

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

ЮЛИЯ GERMAN

КАВКАЗСКИЙ БЫВШИИ *Моя и точка!*

18+

Юлия Герман

Кавказский бывший.

Моя и точка!

<https://litres.ru/74536587>

SelfPub; 2026

Аннотация

— Идем! — хватают меня ручки. — Сейчас ты и за машину со мной рассчитаешься, и за долг пятилетней давности ответишь, — запикивает в подъезд.

— Ты с ума сошел, Гатоев! Тряси деньги со страховой!

— А кто сказал, что мне нужны деньги?

— Тогда что?

— У меня сейчас свободна вакансия любовницы.

— Чего?

— Что слышала! — рявкает. — А за то, что ты сделала, будешь молча выполнять, что я захочу.

— Не имеешь права!

— Я получил на тебя права еще пять лет назад. Ты только моя — и точка! Молчи, и рот будешь открывать, лишь чтобы сделать мне хорошо.

Я еду домой к больному ребенку и врезаюсь в дорогой джип. Его хозяином оказывается мужчина, от которого пять лет назад я бежала без оглядки.

Этот властный кавказец был моей первой большой любовью. Он обещал мне весь мир, а сам планировал свадьбу с другой.

Сбежав, я унесла с собой не только разбитое сердце, но и секрет, который буду оберегать до самой смерти. Потому что если Гатоев узнает, что я забрала у него, он превратит мою жизнь в ад

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	18
Глава 4	23
Глава 5	28
Глава 6	34
Глава 7	38
Глава 8	42
Глава 9	46
Глава 10	51
Глава 11	55
Глава 12	60
Глава 13	65
Глава 14	70
Глава 15	74
Глава 16	79
Глава 17	85
Глава 18	89
Глава 19	95
Глава 20	100
Глава 21	106
Глава 22	112
Конец ознакомительного фрагмента.	116

Кавказский бывший.

Моя и точка!

Глава 1

— Нет, нет, нет! — с ужасом смотрю, как моя машинка, будто в замедленной съемке, впечатывается в блестящую дверь черного внедорожника.

Раздается звук скрежета металла, мой автомобиль разворачивает, и я слетаю на обочину, затормозив бампером об огромный сугроб.

— Черт! — выдыхаю, понимая, что я влипла. — Почему именно сейчас?! — я готова расплакаться от отчаяния.

Моя машина и так ездит только на молитвах, готовая в любой момент испустить последний вздох и оставить меня без личного транспорта.

А сейчас, когда мне нужно оказаться как можно скорее дома, я впервые в жизни становлюсь участницей ДТП. За что мне это?

Слышу, как гудит клаксон, и этот звук прорывается даже сквозь бешеный стук сердца. На секунду зажимаю глаза, надеясь открыть глаза и обнаружить, что все это происходит не со мной.

Но стоит распахнуть веки, и реальность становится еще более жуткой.

— Эй, ты! — вздрагиваю, когда по крыше машины прилетает удар. — Курица, тебя кто водить учил? Слышь ты, обезьяна! Выходи! — снова стучит по кузову, и я перевожу взгляд на окно и вижу массивную мужскую фигуру в черном, стоящую возле моей малышки.

В горле встает ком, и по спине скатывается ледяная капля пота.

Он же от меня мокрого места не оставит!

— Или мне тебя самому достать?! — рычит это чудовище, даже не удосуживаясь согнуться, чтобы заглянуть в окно.

Отсидеться в машине не получится. Именно я стала причиной аварии, и хочу я того или нет, но надо отвечать за собственную невнимательность и глупость.

Окаменевшими пальцами нащупываю ручку, тяну на себя и толкаю дверь.

Морозный воздух проникает в салон, но я будто не чувствую холода из-за страха, который сковывает мое тело.

Вылезаю из машины и выпрямляюсь, встав перед хозяином шикарного внедорожника.

Я не вижу черт его лица, но мне достаточно наткнуться взором на мощную шею с натянутыми жилами, напряженные широкие плечи, которые под короткой черной дубленкой кажутся просто необъятными, и у меня от страха леденеет в животе.

Он зол. Очень зол. Имеет полное право, конечно, но от этого не легче.

Квадратный подбородок, покрытый темной короткой бородой, двигается так, будто этот монстр сдерживается, чтобы меня не ударить.

Мужчина нависает надо мной скалой.

Он еще и кавказец! Вот это я “поймала джекпот”.

— Ты, мать твою, куда выперлась, не пропустив, а? На права насосала, раз не знаешь, как выглядит знак “уступи дорогу”? — орет на меня это чудовище.

Каждое его слово ощущается словно удар.

— Ты глухая, что ли? А ну, посмотри на меня!

И тут сердце окончательно падает в пятки, потому что... потому что я знаю этот голос. Но, может, у меня галлюцинации от пережитого стресса?

— Ты хоть знаешь, сколько моя тачка стоит?

Поддаваясь какому-то секундному порыву, я поднимаю лицо вверх, встречаясь с темными, при этом освещении абсолютно черными, дикими глазами, что мечут молнии, и ощущаю, будто бы меня ударили под дых.

Лицо, искаженное гневом, застывает. Я вижу во взгляде мужчины узнавание. Гнев в его взоре сменяется недоверием, и теперь у меня не остается сомнений в том, что он меня узнал.

— Аня? — спрашивает неуверенно.

А я прихожу в еще больший ужас от этой встречи.

Он застывает, будто до конца не веря, что это действительно я, блуждая взором по моему лицу.

Щеки вспыхивают от его пристального взгляда. Хотя я сама с жадностью отыскиваю изменения в его внешности, что произошли за те пять лет, что мы не виделись.

В моих фантазиях я всегда представляла, как он подурнел, постарел или разжирел. Но в реальности все совсем наоборот.

С возрастом Арслан возмужал, заматерел и стал выглядеть еще лучше.

Вот и сейчас я смотрю на те же широкие брови над карими цепкими глазами, высокие скулы, нос с небольшой горбинкой, будто высеченные из камня губы и квадратный подбородок, который теперь покрывает густая, пусть и аккурат-но подстриженная борода.

И взор у Гатоева больше не как у дерзкого и наглого парня, а как у настоящего хищника. Острый, вьедливый, такой, что, кажется, видит тебя насквозь.

Мы смотрим друг на друга, и, по ощущениям, мир вокруг остановился.

Я не знаю, что он видит во мне, но даже задаваться этим вопросом не хочу. Потому что мы давно друг другу чужие люди.

Я прихожу в себя, когда сквозь гул в уши вонзается шум дороги и чьи-то голоса, и вспоминаю причину, по которой мы снова встретились, и прихожу в панику.

Нет. Этого не может быть. Не здесь, не сейчас, не после пяти лет, в течение которых я пыталась спрятаться от него так, чтобы никогда в жизни этот человек не нашел меня.

— Вы ошиблись, — выдыхаю я, птясь назад. Подошва скользит по льду.

— Нет, не ошибся, — шок от встречи слетает с него, и черты лица снова заостряются, а взор становится колючим.

Он делает шаг ко мне, хватая за локоть, не давая упасть, впиваясь пальцами.

— Ты что думаешь, у меня за пять лет внезапно амнезия случилась и я тебя не узнаю? — произносит так низко, что у меня волосы на теле приподнимаются от его тембра.

Сердце пропускает удар, а потом пускается в галоп. Тот, от кого я бежала через полстраны, меняя имена и замечая следы, сейчас стоит передо мной только потому, что я оказалась такой идиоткой, что врезалась в его машину.

— Отпусти, — выдыхаю я, дергаясь. — Мне надо ехать.

— Куда? — он не разжимает пальцы, только впивается в меня сильнее. — Прятаться дальше?

— Домой! — голос срывается. — И тебе тоже надо, Арслан. Тебя там жена заждалась.

По его лицу пробегает тень.

— Значит, все-таки вспомнила, как меня зовут? — усмехается.

— Забудешь... такое, — цежу сквозь зубы.

— Но зато решила, что я тебя забыл.

— А разве не должен был? Столько лет прошло. Уверена, что ты так и продолжаешь пудрить головы наивным дурочкам.

В его глазах что-то вспыхивает.

— Вряд ли существуют большие дуры, чем ты, Аня, — произносит со злостью.

— Тем более, Арслан! Отпусти! Пусть страховая решает, что я тебе должна.

— Страховая? — он усмехается, но усмешка выходит злой, хищной. — Ты думаешь, я буду с тобой через страховую разбираться?

— А через что? Иначе я не планирую с тобой контактировать.

— Ты правда думаешь, что после того, как ты поступила со мной пять лет назад, я позволю страховой решать наши вопросы? — он наклоняет голову, и в его глазах вспыхивает что-то опасное. — Похоже, ты, когда врзалась в меня, последние мозги отшибла.

— Я не...

— Ты пряталась от меня пять лет! — перебивает он резко. — И тебе придется ответить на вопросы, что у меня накопились, — рычит он и тянет меня к своей машине.

— Пусти! — кричу, пытаюсь вырваться. — Моя машина!

— Я пришлю людей разобраться с этим металлоломом.

— Мне надо домой. Меня ждут!

— Да неужели? — ехидно говорит он.

— Да! У меня... мужчина. И у тебя будут проблемы.

— Что это за мужик, что позволяет тебе ездить на таком ржавом корыте? — бросает с отвращением.

— Не в деньгах счастье! — продолжаю упираться.

— Ах вот как! — прижимает меня спиной к холодному кузову своего черного монстра. — Тогда в чем? В любви? — нависает надо мной, прожигая взглядом, полным ненависти.

— Да, Арслан! Я же говорила, что выйду замуж только по любви. И я сделала это.

Глава 2

— Да, Арслан! Я же говорила, что выйду замуж только по любви. И я сделала это, — смотрю в черные глаза, которые от моих слов превращаются в темные бездны.

— Замуж? — переспрашивает он, и его голос звучит будто угроза.

Он хватает мою руку, и меня прошибает током от соприкосновения с его кожей.

— Где кольцо? — рывкает он, лишь мазнув взглядом по моей руке.

— Мы не носим.

— Вот как? — выпрямляется он, пригвождая меня взором к кузову своего гигантского авто. — То есть твой мужик — такой лох, что позволяет тебе притворяться, будто ты одинока, чтобы другие на тебя слюни пускали?

Щеки вспыхивают от его грубости и стыда.

— Не все такие ограниченные и неуверенные в себе, что им обязательно нужно на свою женщину нацепить ошейник, лишь бы продемонстрировать другим, что эта самка занята! — понимаю, что нельзя так общаться с этим мужланом, но остановиться не выходит.

— Ограниченный, значит, — клокочет он. Похоже, я все-таки ударила по больному месту.

— А теперь пусти меня. Я должна быть дома.

— С хера ли, — рывкает Арслан, распахивая пассажирскую дверь, и запихивает меня в свой внедорожник. — Жди здесь! — басит и захлопывает дверь.

Я дергаю ручку, надеясь вылезти, но этот мерзавец заблокировал замки.

— А-а-а! — вырывается из меня бессильное.

Смотрю, как Арслан ходит рядом с моей машиной, рассматривая ее, пиная по колесам и порогам, и разговаривает с кем-то по телефону.

Именно в этот миг мой смартфон начинает вибрировать в кармане пальто.

Достаю его, и хочется расплакаться от отчаяния.

— Да, тетё Люб, — принимаю звонок.

— Аня, ну ты где? Даниил как кипяток. Температура уже тридцать девять и пять. Мне страшно, я вызову скорую.

— Никакой скорой, тетё Люб. Он испугается. Дайте ему, пожалуйста, жаропонижающее. У меня тут неприятность небольшая по дороге случилась. Но я скоро буду.

— Какая неприятность? Ты в порядке?

— В порядке, в порядке, — сглатываю ком в горле. — Я правда скоро. Вы только не оставляйте его одного. Обтирайте водой и больше жидкости давайте. Я приеду.

— Аня, может, всё-таки вызвать скорую? Вдруг это что-то серьёзное?

— Вы же с ним не поедете, а я вернусь и, если не спадет

температура, сама вызову! — стараюсь взять себя в руки. — Тётъ Люб, он боится чужих. Вы же знаете. Я сама все сделаю. Скоро буду.

Сбрасываю звонок и смотрю на Арслана через тонированное стекло. Он все еще разговаривает по телефону, но краем глаза следит за машиной. И за мной. Словно хищник за добычей, которая уже в ловушке.

Пять лет я пряталась, меняла имена, города, работы и растила сына в одиночестве и страхе, что он найдет нас.

Не могу поверить, что так глупо попалась в руки своему самому большому кошмару. По собственной дурости.

Мысль о сыне обжигает. Ему плохо, а я сижу здесь, в этом здоровенном танке с кожаным салоном, пахнущим дорогим парфюмом и им. Мужчиной, от которого я бежала.

Зажимаю телефон в ладони, будто это единственная ниточка, связывающая меня с реальностью.

Арслан заканчивает разговор и идет к машине.

Я вижу, как фары освещают две подъезжающие машины: еще один черный внедорожник и эвакуатор. Из первой выходят двое мужчин, крепких, в черных куртках. Подходят к Арслану, он что-то говорит им, кивает в сторону моей разбитой “Короллы”. Они осматривают её, переговариваются, потом один дает знак эвакуатору, и они начинают погрузку моей машины, а у меня пульс учащается, и я начинаю стучать в окно.

— Что вы делаете? — кричу я. — Оставьте ее на месте!

Арслан открывает пассажирскую дверь и протягивает руку:

— Выходи. Пересаживаемся.

— Зачем? — не понимаю я.

— Эту машину заберут, чтобы починить кузов. Поедем на другой, — кивает он на второй внедорожник.

— Я никуда с тобой не поеду. И куда вы увозите мою машину? Я сама могу на ней доехать до дома.

— Аня, — произносит Арслан грозно. — Не начинай. Твое корыто опасно не только для тебя, но и для окружающих. Поэтому просто выйди, и мы уедем.

Я выхожу, и мороз сразу же пробирает до костей. Хочется бежать и кидаться с кулаками на его амбалов, чтобы оставили мою машину. Но это бесполезно. Арслан просто ведёт меня ко второму джипу, открывает заднюю дверь, и я забираюсь в салон, пропахший незнакомым парфюмом.

Гатоев садится рядом со мной на заднее сиденье. За рулем оказывается еще один из тех мужчин, что приехали на второй машине. Остальные двое остаются разбираться с эвакуатором и джипом Арслана.

— Поехали, — коротко бросает водителю Гатоев. Тот кивает и трогается с места.

Мы едем в тишине. Я смотрю в окно, сжимая в руках телефон, и мысленно считаю минуты до прибытия домой. Сколько ещё? Когда я смогу вырваться? Когда увижу Даниила?

— Адрес? — спрашивает Арслан.

Я молчу.

— Аня, я задал вопрос.

— Октябрьская, — называю адрес дома в соседнем дворе,
— пятнадцать.

— Это точно твой адрес? — Гатоев пристально смотрит на меня.

— Что? — дергаюсь я.

— Думаешь, я лох? — он поворачивается ко мне, и в полумраке салона его глаза кажутся хищными.

— Что за вопросы? — вспыхиваю, стараюсь не смотреть на него. — И вообще, какая тебе разница. Меня дома ждут. Не думал же ты, что я приглашу тебя на чай? Поезжай за этим к своей жене.

— Ты слишком много болтаешь.

Мой телефон снова начинает звонить, и я сразу же принимаю вызов.

— Мама, ты где? — слышу слабый голос сына. — Мне плохо.

— Я еду, родной, — сердце кровью обливается, когда он такой.

— Жду тебя, мамочка. Люблю тебя.

— И я тебя. Скоро буду, — сынок сбрасывает вызов, и после этого я чувствую, как изменилась атмосфера в машине.

— Ну, давай, Анна. Назови мне настоящий адрес. Надо хоть посмотреть, на кого ты меня променяла. Буду знакомиться с твоим “родным”, — произносит холодным, словно

металл, голосом бывший.

Но это плохая идея. Очень... очень плохая.

Глава 3

— Ты издеваешься? — смотрю в глаза бывшего.

Вся эта ситуация превращается в какой-то абсурд. Потому что мы пять лет не виделись, жили спокойно друг без друга, а теперь он предъявляет мне, будто я его на кого-то променяла. Он же не имеет никакого права!

— Вовсе нет. Хочу посмотреть на твоего избранника, — отвечает надменно.

— На каком основании, Арслан? Ты мне никто, Гатоев! — говорю громче, надеясь, что хотя бы так он меня услышит. — Как я живу, с кем я живу, на чем езжу, — тебя вообще касаться не должно!

— Уверена? — усмехается он и смотрит таким пристальным, тяжелым взглядом, что мне кажется, будто меня придавливает к сидению бетонной плитой.

— Абсолютно, — отвечаю твердо. — Ты мне не муж, не брат и не сват, чтобы качать права и требовать объяснений. И я не обязана перед тобой отчитываться!

— Обязана, — его голос становится каким-то зловещим. — После того, что ты сделала, обязана.

— Что я сделала? Сбежала от предателя?

Арслан сжимает плотно челюсти, играя желваками.

— Какие громкие слова, — скалится, пытаясь не то улыб-

нуться, не то усмехнуться. — Нет, радость моя. Бежать потихому, ночью, снюхавшись с другим мужиком, как крыса... Вот настоящее предательство.

Щеки вспыхивают, как будто меня отхлестали словами.

Ведь у меня не было выбора! Только так я могла освободиться от него и его контроля. Только так могла спасти себя.

— Тогда тем более... отпусти, — цежу сквозь зубы, понимая, что мы почти доехали до моего района.

— О нет, Анечка, теперь ты вряд ли так легко от меня избавишься.

Машина тем временем подъезжает к пятиэтажке на Октябрьской. Старый дом, обшарпанный, с облезлой краской на стенах. Он точно такой же, как тот, в котором живу я. Да и как сотни подобных ему в городе.

— Приехали, — говорит водитель.

— Спасибо, — дергаюсь к двери. — Я пойду.

— Сидеть, — приказывает Арслан. Он выходит первым, обходит машину и открывает мою дверь. Протягивает руку.

— Я сама.

— Дай. Руку.

Я игнорирую его, вылезаю сама. Ноги скользят на льду, и он тут же подхватывает меня за талию, не давая упасть. От его прикосновения по телу пробегает ток. Я дергаюсь, пытаюсь отстраниться, но он не отпускает.

— Пусти, — шиплю.

— Провожу до двери.

— Не надо!

— А если упадёшь? — усмехается он. — Твой муженек спасибо не скажет.

Он ведет меня к подъезду, и я понимаю, что сейчас все раскроется. В этой квартире живут чужие люди. Что я скажу? Кто я?

— Стой, — выдыхаю я, когда мы подходим к двери. — Арслан, стой. Я не здесь живу.

Он останавливается, смотрит на меня долгим нечитаемым взглядом. В его глазах нет удивления.

— Я знаю, — говорит он тихо. — Я же сказал, что не лох.

— Тогда зачем... зачем мы приехали?

— Чтобы ты поняла: от меня не спрячешься, — он наклоняется к самому моему лицу. — Где ты живешь на самом деле?

Я молчу, лихорадочно соображая, что если я скажу правду, то он узнает про Даниила. Если не скажу, он будет искать сам. И найдет. Обязательно найдёт.

— Я не могу, — шепчу я.

— Почему?

— Потому что... — голос срывается. — Потому что... ты все разрушишь. Мою жизнь разрушишь!

— Что разрушу? — он вглядывается в мое лицо. — Что разрушать, если ты и без того ходишь в каких-то тряпках, едешь в ведре и живешь в клоповнике! — кричит он, и у

меня выступают слезы на глазах.

— Но это мои тряпки, мое ведро и мой клоповник! — кричу ему в ответ. — Такая моя жизнь! Моя!

Лицо Арслана темнеет. Брови сдвигаются, а в глазах вспыхивают молнии.

— Адрес! Немедленно! — рычит он так, что я вздрагиваю. — Ты же понимаешь, что я все равно отыщу твою кошку.

— Что же ты за человек такой?

— Ржавое ведро твое пришлю. Или так и будем стоять?

В кармане вибрирует телефон, и я понимаю, что больше не могу оттягивать момент. Сыну плохо. И сейчас важно только оказаться рядом с ним.

— А-а-а! — вырывается из меня отчаянное. — Маяковского, сорок восемь! — бросаю бывшему.

И Арслан снова толкает меня к машине, запихивая в салон.

Через две минуты мы останавливаемся напротив моего подъезда.

И я чувствую, что это конец. Я выхожу из авто раньше, чем это делает Арслан. Не знаю, как у него это получается, но он преграждает мне проход.

— Спасибо, что подвез, — тараторю я. — Пришли счет за машину моей страховой.

— Ага, как же, — произносит без эмоций.

— Ну, я пошла...

— Идем! — хватают меня здоровенные ручищи. — Сейчас ты и за машину со мной рассчитаешься, и за долг пятилетней давности ответишь, — запихивает в подъезд.

— Ты с ума сошел, Гатоев! Тряси деньги со страховой!

— Твоя страховка вряд ли покроет ремонт моей машины, — нависает надо мной скалой.

— Ну... я покрою ту разницу, что они не оплатят.

— А кто сказал, что мне нужны от тебя деньги? — приподнимает он бровь.

— Тогда что? — во рту пересыхает.

— У меня сейчас свободна вакансия любовницы, — губы изгибаются в усмешке.

— Чего?

— Что слышала! — рявкает. — А за то, что ты сделала, будешь молча выполнять, что я захочу.

— Не имеешь права!

— Я получил на тебя права еще пять лет назад. Ты только моя — и точка! Молчи, и рот будешь открывать, лишь чтобы сделать мне хорошо.

Глава 4

— Я замужем, — понимаю, насколько это жалко звучит сейчас.

— Для меня это не проблема, — рявкает он. — Заберу тебя у мужа, с манатками. Сегодня же! — толкает вверх по лестнице.

— Что ты такое говоришь? Я же тебе сказала...

— А мне плевать, что ты говоришь, — заставляет идти выше. — Твой рот и тогда многое говорил, а тело транслировало совершенно иное.

— Но тогда я была свободна.

— Что-то подсказывает, что ты и сейчас свободна, — хмыкает он, останавливаясь на моей площадке.

— Нет, Арслан! Нет! Стой! — пытаюсь притормозить бешеного бывшего, преграждая ему путь к моей квартире. — Дай... дай мне время... — облизываю губы, готовая согласиться на что угодно, лишь бы он не вошел в мою квартиру и не увидел Даниила.

— Время на что? — спрашивает он резко.

— Чтобы рассчитаться с тобой.

— Я сказал, что меня не интересуют бабки. Разве не ясно? — вскидывает бровь.

— Ясно... Только я... — мозг лихорадочно соображает,

как мне отделаться от него, — я так не могу, понимаешь.

— Что ты не можешь?

— Ну, сделать то, что ты просишь...

— А тебе и не надо мочь. Просто я забираю тебя, и дальше ты выполняешь все, что я скажу.

— Ты женат... — понимаю, насколько это для него слабый аргумент. Но ведь для меня важно. Именно это и стало причиной, по которой я сбежала от него.

Потому что он не планировал жениться на мне. Хотел просто держать меня как свою грязную тайну. Вот только мне такой формат отношений совершенно не подходит. Потому что... я не способна делить любимого мужчину с кем-то.

Арслан смотрит на меня долгим, тяжелым взглядом, играя желваками.

— И что дальше? — спрашивает он глухо.

— А то, что ты пять лет назад уже выбрал. Тогда у тебя была невеста, теперь — жена. А мне ты предлагал место любовницы. Это все уже было! Помнишь? И какой результат? Какой, Арслан?

— Помню, — отвечает он, и в его голосе звучат металлические нотки. — И по-прежнему моя семейная жизнь тебя не касается. Сейчас речь о другом.

— О чём? О том, как ты собираешься использовать меня?

— Умная девочка, — в его глазах вспыхивает опасный огонек. — Всегда была умной. Жаль, что пять лет назад это

не помогло тебе поступить правильно.

— Правильно — это остаться и ждать тебя вечерами, когда ты приедешь ко мне от другой? — во мне закипает злость. — Спасибо, не надо.

— Ты говорила, что любишь, — рывкает он, делая шаг ко мне. — А любовь стерпит все! Быстро же испарилась твоя любовь!

— Потому что я достойна быть единственной! — выкрикиваю я, и из глаз брызжут слезы. — Ну зачем сейчас ворошить все это, Арслан? Для чего?

Судя по его нечитаемому выражению лица, ни мой крик, ни слезы не производят на него впечатления. Ему откровенно плевать, как и тогда.

— Я тебя не отпускал, теперь будешь отвечать, — продолжает гнуть свое.

— За что?!

— За все! — он нависает надо мной, и я чувствую исходящую от него мощную, давящую энергию. — За пять лет, которые ты украла, за то, что сделала из меня лоха, и за машину. Мне много есть что тебе предъявить, Аня. И не думай, что отделаешься жалкими бумажками из страховой.

Я открываю рот, но он не даёт мне сказать:

— Молчи. Ты уже наговорила достаточно. Будешь открывать рот только тогда, когда я скажу. И только для того, что я скажу.

От его слов по коже бегут мурашки. Это не шутка. Это не

пустая угроза.

— Ты будешь делать то, что я хочу, — продолжает он ледяным тоном. — Когда я захочу. Где я захочу. Ты должна мне, Аня. И не только за разбитую машину. Ты должна мне за эти годы и за то, что посмела отдаться другому.

— Я...

— Я сказал — молчать! — рычит он, и я вздрагиваю.

Гатоев берет себя в руки, делает глубокий вдох. Смотрит на меня спокойнее, но от этого спокойствия еще страшнее.

— Иди, собирайся.

В это мгновение его смартфон начинает звонить, Арслан смотрит на дисплей, хмурится, а потом принимает вызов. Я хочу воспользоваться ситуацией и проскользнуть домой, но он ведь пойдет за мной. И что тогда? Где я возьму мужа, которого можно будет предъявить?

— Да! — отвечает он. Сдвигая брови еще сильнее, слушая собеседника.

Я уже готова ему пообещать, что приеду туда, куда он скажет, но не сегодня. Лишь бы ушел сейчас.

— Значит, так, — убирая телефон, говорит Арслан. — Мне сейчас срочно нужно уехать, но ты не посмеешь никуда больше убегать, поняла? Я знаю, где ты живешь, и достану тебя из-под земли. Поэтому будь хорошей девочкой и жди, когда я позвоню.

Я облегченно выдыхаю, благодаря Небеса за то, что у меня появилась отсрочка.

— Надеюсь, ты меня поняла, — говорит он.

А потом резко дергает меня к себе, кладет руку мне на шею и опускает лицо, прижимаясь лбом к моему, обжигая дыханием.

— Поняла? — рычит.

— Да, — отвечаю едва слышно.

Арслан замирает и шумно втягивает носом воздух, а затем так же резко отстраняется и, развернувшись на пятках, сбегает по лестнице.

А я спешу к себе домой, думая только о сыне и о том, как его вылечить и спрятать...

Глава 5

— Наконец-то! — взмахивает руками тётя Люба. — Я думала, уже не доедешь.

— Простите, пожалуйста! — стараюсь как можно быстрее снять пуховик и скинуть сапоги. — Я очень торопилась. Сейчас я руки вымою.

Заглядываю в гостиную, где на диване лежит сын и, кажется, дремлет, и сразу прохожу в ванную.

Мою руки, лицо, даже не взглянув на свое отражение в зеркале, возвращаюсь в гостиную.

— Привет, сынок, — присаживаюсь на колени перед диваном и прикладываю ладонь ко лбу Даниила.

— Мама... — выдыхает он тихо, открывая тяжелые веки.

— Кипяточек мой, — кожа под моей ладонью горит, и мгновенно все мои мысли сосредотачиваются вокруг моего ребенка.

— Я дала ему жаропонижающее, но ему плохо, Анют. Я бы все же вызвала скорую, — говорит тётя Люба.

— Да, так и сделаю, — целую сына. — Сейчас, малыш, я наведу морсика и вернусь к тебе.

Выхожу в коридор, провожая соседку.

— Большое спасибо, что посидели, тётя Люба. Я вам обязательно заплачу, как получу зарплату.

— Ну что ты, Анечка. Даниил такой хороший мальчик. Я его люблю как родного. Переживаю за него всей душой. Надеюсь, тебе удалось подмениться на работе? — смотрит обеспокоенно.

— Да, об этом не волнуйтесь. Там все в порядке, — хочу уже как можно скорее вернуться к ребенку.

— Ну ладно, Анют. Звони, если что нужно.

— Спасибо, тетя Люба. И спокойной ночи.

— Спокойной ночи.

— Ма-ам, — раздается слабый голос из комнаты, и меня словно током бьет.

Я срываюсь с места и бегу к сыну.

Даниил лежит раскрывшись. Его щеки пылают нездоровым румянцем, глаза блестят, а темные волосы прилипли ко лбу. Мой маленький, мой самый главный человек.

— Сейчас, зайчик, сейчас, — бормочу я, опускаясь рядом с ним на колени, измеряя температуру. Градусник пищит, показывая пугающие цифры. Тетя Люба не ошиблась.

Жаропонижающее, которое она дала, либо не подействовало, либо подействовало недостаточно. Я растираю сына водичкой, пою клюквенным морсом, который успела сделать. Но время идет, а температура не думает падать. Она ползет вверх, и вместе с ней — моя паника.

— Мамочка, мне жарко, — шепчет Даниил, всхлипывая.
— И голова болит.

— Я знаю, родной. Сейчас станет легче, обязательно ста-

нет легче, — уговариваю я, но не знаю, кого из нас больше. Вот только легче не становится.

В голове шумит. Одна проблема навалилась на другую. Болезнь сына, разбитая машина, встреча с Арсланом, его безумные требования... Мой мир рушится в считанные часы.

Я смотрю на время. Прошло шестьдесят минут. Температура не снижается, а сын начинает бредить. Тогда принимаю решение, которого хотелось избежать изо всех сил. Я вызываю бригаду скорой.

Следующие пятнадцать минут превращаются в пытку. Я сижу на полу рядом с диваном, меняю мокрую тряпку у сына на лбу и нашептываю ему о том, как мы будем веселиться в игровой комнате, как только он поправится.

Звонок в дверь заставляет меня подскочить. И дальше все происходит как в дурном сне.

В квартиру заходят две женщины. Даня видит чужих и начинает плакать. Я с трудом успокаиваю его, но, как только достают шприц, он снова хнычет.

— Сыночек, миленький. Потерпи, пожалуйста. Ты ничего почти не почувствуешь. Тебе покажется, что комарик укусит. Быстро-быстро, и всё пройдёт. Я рядом. Смотри на меня, смотри в глазки.

Он всхлипывает, но замирает, доверчиво глядя на меня. Фельдшер ловко делает укол. Даниил вздрагивает, чуть

всхлипывая, но не плачет. У него просто нет сил.

— Тише, тише, мой хороший. Всё уже, всё позади.

— Жаропонижающее мы ввели, — женщина убирает шприц. — Но температуру нужно контролировать. Такое состояние может быть опасно. Мы бы рекомендовали вам поехать с нами и сделать снимок, чтобы исключить осложнения. Да и под наблюдением вам будет спокойнее. Собирайте его, поедете с нами.

Сердце ухает вниз. Больница. Чужие люди. Ночь. Бедный мой малыш. Он и так намучился. Но лучше и правда сделать снимок.

— Хорошо, — киваю я. — Дайте нам десять минут.

Пока они ждут в коридоре, я собираю документы, сменную одежду, тапочки, средства гигиены, пару игрушек сына и книжку. Сама натягиваю спортивный костюм и одеваю Данию.

Через полчаса мы уже сидим в приемном покое детской больницы. Я заполняю бумаги и сразу же после этого сопровождаю Даниила на осмотр и снимок, а потом нас уводят в палату.

Всю ночь я не сплю. Лежу рядом с сыном, прислушиваясь к его дыханию. В коридоре горит тусклый свет, пахнет лекарствами и хлоркой. Сын спит наконец-то спокойно, начинает потеть, когда жар падает.

Снимок оказался чистым. Похоже, что это какой-то серьезный вирус, и нужно полежать пару дней под наблюдением.

ем. Да и тащить обратно больного ребенка ночью я не стану.

Я сжимаю его маленькую ладошку в своей и думаю о том, как он на самом деле похож на своего отца.

Да и разве могло быть иначе? Я ведь так его любила... А от такой любви рождаются самые красивые дети. И всю беременность я мечтала, чтобы сын был похож на своего отца. Мои молитвы были услышаны, но теперь они оборачиваются против меня. Стоит бывшему увидеть Даню, и он все поймет.

Встреча с Арсланом выбила меня из колеи сильнее, чем я думала. Его слова, взгляды, прикосновения — всё это всколыхнуло то, что я так старательно хоронила годами.

Теперь же я прекрасно понимаю, что больше не смогу убеждать. А значит, совсем скоро он узнает правду. И мне страшно, что в таком случае он заберет моего сына.

Вот только за своего ребенка я буду биться до последнего. Ради него я пойду на все что угодно.

К утру у сына снова температура, но не такая высокая, как накануне. Мы сдаем анализы, делаем все необходимые процедуры, завтракаем, а потом лежим в палате и читаем книжку.

— Аня, доброе утро, — слышу в динамике голос администратора клиники, в которой я работаю. — На сколько дней тебе нужен больничный?

— Мы с сыном уехали на скорой в детскую больницу, Нина. Поэтому... думаю, не меньше недели.

— Ох, что-то серьезное?

— Вирус.

— А почему к нам не поехали? — искренне недоумевает она. Потому что наша клиника одна из лучших в городе. Но и цены там такие, что стоимость дня в их стационаре составит мою недельную зарплату.

— Нин, тут бесплатно... А ты наши цены видела?

— Ну да... — говорит она задумчиво, ведь для нее это не проблема, так как ее муж — один из сооснователей этой самой клиники. — Жаль, что заболел твой сынишка. Поправляйтесь скорее. Пока, — прощается она.

А я стараюсь не думать о том, что в этом месяце у нас с сыном будет еще меньше денег и придется затянуть пояса потуже.

Но в то же время я проведу целую неделю с сыном.

Даниилу становится заметно лучше. Он хочет фруктов. И я решаю сходить в буфет и купить все необходимое.

Но тут в палату заглядывает медсестра.

— Аня? — зовет она. — К вам посетитель.

— Посетитель? — удивляюсь я. Неужели тетя Люба приехала? — Да, мужчина. Сказал, что он ваш... муж. Я проведу?

Глава 6

Земля уходит из-под ног.

О нет! Я резко оборачиваюсь к Даниилу. Он играет с зайцем и не слышит разговора.

Муж? У меня нет мужа. Но есть только один мужчина, который мог заявиться сюда.

— Нет! — вырывается слишком громко. — То есть... я сама выйду.

— Как скажете, — лениво отвечает медсестра и уходит.

— Присмотрите за Даней, пожалуйста, — прошу вторую мамочку в палате. — Я постараюсь недолго...

Она кивает, с любопытством разглядывая меня.

— Сынок, я скоро вернусь, — целую Даниила в макушку и смотрю на сына, чувствую, как сосет под ложечкой и руки немеют от дурного предчувствия.

Я прекрасно осознаю, что сейчас решается наша с сыном судьба. Ведь если Гатоев увидит его, он все поймет и может даже забрать у меня ребенка. Тогда я этого не переживу. Впрочем, как и мой ребенок.

Он мой. И ни за что я не отдам его этому бесчувственному мужлану.

Выхожу в коридор, осторожно оглядываюсь, но никого не вижу.

Приходится пройти все отделение и даже наивно решить, что медсестра ошиблась и ко мне никто не пришел.

Но стоит перешагнуть порог инфекционного, как я застываю, увидев высокую мощную фигуру.

Сердце ухает в пропасть, потому что это — конец.

Огромный кавказец стоит у окна, на лестничном пролете. Высокий, широкоплечий, мрачный, в той же черной дубленке, что накануне.

Значит... никакой ошибки нет и Арслан нашел меня. Нас. Пульс учащается, и в висках начинает стучать.

Бывший смотрит прямо, и по его взгляду я не могу понять, о чем он думает. Вижу, как внизу, между этажами, стоит один из его амбалов, тот, что был за рулем вчера, и листает ленту в своем смартфоне.

Возвращаю внимание к Гатоеву, приготовившись к худшему.

Ни один из нас не заговаривает первым. Мы давим друг друга взглядами, пытаюсь сломать противника, чтобы он сдался в этой битве.

— Как это понимать? — наконец спрашивает Арслан тихо, но у меня от его голоса кожу осыпает мурашками.

— Что ты здесь делаешь? — скрещиваю руки на груди, стараясь говорить твердо и не собираясь отвечать на его вопросы.

— Что я тут делаю? — смотрит на меня так, будто не верит в то, что я действительно спросила его об этом. — Это ты мне

расскажи, как так получилось, что ты оказалась в больнице?

— Откуда ты вообще узнал, что я тут? — я предполагала, что от него будет сложно спрятаться, но не думала о том, что каждый мой шаг отслеживается.

— Узнать, где ты, Аня, теперь не проблема, — отвечает он глухо, окидывая взглядом мой облик.

И мне внезапно становится стыдно от того, какой он меня видит. Лохматой, помятой, с синяками под глазами, в прошорканном домашнем костюме.

— И? Зачем ты приехал? — во рту пересыхает от волнения. Ведь знаю: мне никогда и ни за что не избавиться от него до тех пор, пока он не решит, что наигрался.

— Расскажи мне, почему тебя среди ночи забирает скорая? И какого черта ты делаешь в детской больнице?

Я молчу, ощущая, как последняя моя надежда стремительно угасает.

— Что с тобой случилось? — в его голосе проскальзывают нотки, которых я не ожидала, напоминающие тревогу. — Ты ведь не пострадала в аварии... Тогда что?

— Не твое дело, Арслан, — цежу сквозь зубы. — Уходи.

— Я тебя не прошу раздавать мне советы в отношении того, что я должен делать, — рявкает он, делая шаг ко мне.

— Я спрашиваю: что случилось? — подходит ближе, смотря на меня сверху вниз, так, что меня практически парализует от страха.

Арслан зажимает меня в углу, блокируя все пути к отступлению.

— Ну же, Аня, у тебя есть шанс самой во всем признать-ся, — мне кажется, его глаза гневно сверкают. — Что ты делаешь в детской больнице? — нависает еще сильнее.

Похоже, будто я даже слышу обратный отсчет в своей голове, до того, как взорвется бомба.

— У меня... — прикрываю веки. — У меня болеет ребенок, — говорю ту фразу, которую ни в коем случае нельзя произносить. Вот только отпираться опасно. Я в детской больнице, и это как минимум странно.

Но внезапно у меня появляется слабая надежда на то, что все еще может обойтись.

И в голове мгновенно рождается план.

Глава 7

Пару мгновений Гатоев смотрит на меня не моргая, а затем я вижу, как двигается его кадык, когда он шумно сглатывает. Похоже, мое признание застало его врасплох. Хотя, приехав в детскую больницу, он должен был догадаться, что я здесь не просто так.

— У тебя есть ребенок? — спрашивает внезапно севшим голосом.

— Да, — отвечаю спокойно.

Его глаза мечутся по моему лицу, ожидая подтверждения той догадке, что рождается в его голове. Но этому не бывать. Я не стану радовать его внезапным отцовством.

— От кого? — все же задает этот вопрос.

— Если ты волнуешься, что это твой ребенок, то спешу тебя обрадовать, что нет. Я родила от другого мужчины, — стараюсь врать уверенно.

— От другого? — переспрашивает он, и в его голосе звучит угроза. — Зачем ты лжешь мне, Аня? — пытается сохранять спокойствие, но я вижу, как он напряжен и взволнован от этой новости.

— С чего бы мне лгать? — я вскидываю подбородок, стараясь, чтобы голос не дрожал. — Мы расстались пять лет на-

зад, Арслан. Я имела полное право устраивать свою личную жизнь. У меня муж и ребенок.

— Сколько ему? — резко спрашивает он, впиваясь в меня взглядом. — Ребенку?

Вопрос застаёт врасплох.

— Что? — переспрашиваю, хотя отлично слышала.

— Я спросил, сколько лет твоему ребенку, — чеканит каждое слово Гатоев. — Четыре?

Я открываю рот, но не могу произнести ни звука. Именно дата выдаст меня с головой, тогда я стараюсь вспомнить, сколько лет ребенку соседки по палате.

— Я так и думал, — усмехается он, видя мою реакцию. — Молчишь? Значит, мне есть о чем задуматься. Потому что ты вполне могла уехать от меня беременной. Поэтому... — он не заканчивает фразу, давая мне самой додумать. — Где же твой муж, Аня? Почему это ты сидишь в больнице с больным ребенком одна и увезла тебя из дома скорая, а не родной муж? — он сканирует меня взглядом, и я чувствую, как моя ложь трещит по швам. — Почему ты вчера так боялась, что я войду в твою квартиру? Что ты там прячешь?

— Я ничего не прячу! — выкрикиваю слишком громко. — Муж на работе, в командировке. А ты... ты не имеешь права врываться в мою жизнь!

— Право, — усмехается он, но усмешка выходит злой. — Ты должна мне пять лет, Аня. И я получу их сполна. А теперь води меня к нему.

— К кому? — не понимаю я.

— К своему сыну.

— Нет! — вырывается у меня прежде, чем я успеваю подумать. — Ты не войдешь в палату!

— Почему? Боишься, что я увижу своего ребенка? — его глаза сужаются.

— Боюсь, что ты напугаешь моего ребенка! — шиплю я в ответ. — Он болен, у него температура, и появление огромного незнакомого дяди станет для него стрессом! Он боится незнакомцев. Ты хочешь напугать моего сына? Хочешь сделать больно малышу?

Арслан замирает.

Он смотрит на меня долго, изучающе. Я вижу, как в его голове происходит какая-то работа, как он сопоставляет факты, даты, мою панику. И вижу тот момент, когда он, кажется, принимает решение.

— Хорошо, — неожиданно говорит он. — Я не пойду в палату. Пока.

Я выдыхаю, но расслабляться рано. Этот “пока” звучит как приговор.

— Но ты выйдешь ко мне сюда. И приведешь его. Я просто посмотрю на него, — ставит он условие.

— Нет. Я не буду таскать больного ребенка по холодному коридору.

— Тогда я зайду сам, — он непреклонен, и я знаю, что пока он не получит свое, не успокоится.

В венах у меня уже кипит кровь от злости на этого чурбана. Потому что он не имеет права требовать от меня хоть что-то. У него другая жизнь, жена, и наверняка есть дети. Так зачем он прицепился ко мне?

— Ладно. Подожди здесь, — цежу сквозь зубы и, не дожидаясь ответа, разворачиваюсь и почти бегу обратно в отделение.

Ноги ватные, в голове пульсирует одна мысль: что делать? Если я сейчас приведу Даню, Арслан увидит его и все поймет. Сходство невозможно скрыть. У моего сына глаза отца и его губы. Он мой, но в нём слишком много от отца.

Значит, нельзя показывать Даню. Но Арслан не уйдет, я это знаю. Он будет стоять там, пока не добьется своего.

Мне нужен другой ребёнок. Младше.

Я влетаю в палату. Даня спит, разметавшись на кровати. Рядом, на своей койке, сидит Света, та самая женщина, что присматривала за моим сыном, пока я бегала. Ее малышу два с половиной, он тоже темненький, и они лежат здесь уже неделю с пневмонией.

— Света, — выдыхаю я, подойдя к ней, и опускаюсь на стул напротив нее. — Помоги мне. Очень нужна твоя помощь...

Глава 8

Она откладывает книгу и смотрит встревоженно.

— Аня, ты чего? Бледная вся. Случилось что?

— Там, в коридоре, стоит мужчина, — говорю быстро и тихо, чтобы не разбудить Даню. — Мой бывший. Он хочет увидеть моего сына.

— Ну так покажи, — пожимает плечами Света. — В чем проблема?

— Не могу. Если он увидит Даню, он поймёт, что это его ребёнок. И отнимет. У него деньги, связи, адвокаты... А у меня ничего. Я пять лет пряталась, Света. Пять лет!

Слёзы текут по щекам, я их даже не вытираю. Мне кажется, что если сейчас она не пойдёт мне навстречу, то я потеряю ребенка.

— А если я приведу твоего, он увидит, что ребенок маленький, и поверит, что я родила от другого. Твой Кирюша младше Дани. Если бы ты позволила мне просто показать его бывшему. Пожалуйста, Света! Я умоляю! Только показать — и сразу назад. Кирилл даже ничего понять не успеет.

Света смотрит на меня, потом на своего малыша, рисующего за столом. В её глазах борьба.

— А если Кирюша заплачет?

— Тогда я скажу как есть, что он испугался чужого. По-

жалуйста, Света! Я буду перед тобой в долгу. Могу даже денег дать. У меня есть три тысячи, прямо сейчас.

— С ума сошла, — тормозит она меня. — Какие деньги!

Я выуживаю кошелёк, вытряхиваю все купюры. Три с половиной тысячи, это почти всё, что осталось до зарплаты.

Света смотрит на деньги, на меня, на своего Кирюшу. Вздыхает тяжело.

— Ладно, — говорит она тихо. — Но только на пять минут. И если заплачет, веди его сразу назад. И денег твоих не надо. Я мать и все понимаю. А после ты мне расскажешь, что у тебя там за мыльная опера.

— Спасибо, — выдыхаю я, готовая расцеловать эту мало-знакомую женщину. — Огромное спасибо!

Она осторожно берет сына на руки.

— Кирюш, сейчас сходишь с тетей прогуляться и вернешься обратно. А я потом тебе дам пастилу.

Ее сын удивительно быстро соглашается на эту авантюру.

— Я быстро, — шепчу, взяв ребенка за руку, и выхожу из палаты.

Сердце колотится где-то в горле. Кирюша начинает всхлипывать, и мне приходится подхватить его на руки. Я молюсь всем богам, чтобы он не устроил истерику до того, как увидит Гатоева.

Выхожу к лестничной клетке. Арслан стоит там же, где я его оставила, гипнотизируя взглядом дверь. Увидев меня с ребёнком на руках, он замирает.

— Вот, — говорю я, подойдя ближе. — Смотри. Это мой сын. Ему два с половиной года. Его зовут... Кирилл.

Арслан смотрит на малыша. Долго, пристально. Мне кажется, что каждая секунда длится вечность. Кирилл смотрит на моего бывшего и крепко обнимает меня за шею.

— Два года? — переспрашивает Гатоев глухо.

— Да. Он родился через два с половиной года после того, как мы расстались. Я встретила Егора, мы полюбили друг друга, и у нас родился этот малыш. Так что, как видишь, я тебе не изменяла. Я просто ушла и построила новую жизнь.

Арслан молчит. Его лицо непроницаемо. Я не знаю, о чём он думает. Верит ли он мне? Но факт налицо. У меня есть маленький ребёнок, и он не может быть его отцом. Даже если он плохо разбирается в детях, разница в возрасте заметна.

— Доволен? Мне нужно идти. Ему холодно, нельзя долго на лестнице.

— Иди, — произносит сухо.

Я разворачиваюсь и быстро иду обратно в отделение. Арслан не пытается меня остановить, а я облегченно выдыхаю. Потому что похоже, что моя затея увенчалась успехом. Теперь бывший отстанет от меня.

Возвращаю Кирюшу Свете, рассыпаюсь в благодарностях. Даня все еще спит, улыбаясь во сне. Я сажусь рядом с ним на стул, беру его за руку и закрываю глаза.

— Прости меня, сынок, — шепчу я. — Прости, что приходится врать и прятаться. Но я не отдам тебя ему. Никогда.

Ближе к вечеру, когда мы с Даней рисуем собачку в его альбоме, в палату заглядывает медсестра.

— Сотникова, — зовёт она шёпотом. — Выйдите на минуточку.

Я выхожу и замираю на месте как вкопанная. В коридоре стоит Арслан. В руках у него огромный пакет с фруктами, соком и игрушками.

— Это ребенку, — говорит он, протягивая пакет. — Передай пацану.

— Не надо, — мотаю головой.

— Не тебе, ему. Не отказывайся, — настаивает он. — Или я сейчас сам в палату занесу.

Я беру пакет, чувствуя себя еще более паршиво.

— И еще, — добавляет он, глядя на меня чёрными глазами. — Я все же пробью отца твоего сына. И если узнаю, что ты мне солгала... — он пронзает меня пылающим взглядом, разворачивается и уходит.

А я стою с этим пакетом и понимаю, что это не конец, а только начало. И цена моей лжи, если она раскроется, будет страшнее любого наказания.

Глава 9

Я возвращаюсь в палату на ватных ногах. Пакет с гостинцами и подарками кажется неподъемным, хотя весит от силы пару килограммов. Внутри яблоки, гранаты, апельсины, детский сок в коробочке и игрушечная машинка. Красная, большая, с открывающимися дверцами и на пульте управления. Такая, о которой Даня давно мечтал, разглядывая витрины в магазине, но я не могла себе позволить ее купить. Слишком дорого для моей зарплаты медсестры.

— Мам, смотри какая! — Даня оживает, едва увидев игрушку. — Это мне?

— Тебе, — выдавливаю улыбку, хотя внутри все переворачивается.

Сын хватает машинку, и его глаза загораются таким счастьем, что у меня сжимается сердце. Мне бы хотелось чаще радовать его такими подарками... А теперь его отец, сам того не зная, сделал ему подарок, о котором он мечтал.

— А кто принес? — Даня поднимает на меня взгляд, и я вижу в нем Арслана. Темно-карие глаза, с такими же длинными ресницами.

— Мой знакомый.

— Хороший, — заявляет сын, тут же забывая обо всем, погружаясь в игру. — Смотри, у нее дверки открываются!

Я отворачиваюсь к окну, чтобы он не видел моих слез.

Хороший. Если бы он только знал, что этот хороший — его папа, который может нас разлучить.

Вечером температура у Дани снова поднимается. Я лежу рядом с сыном, глажу его по голове, пытаюсь усыпить. А в голове мысли об Арслане и его угрозе пробить информацию. Я прихожу в ужас, думая о том, что будет, когда правда откроется.

А она откроется. Обязательно.

Вибрация телефона разрывает тишину палаты. Номер незнакомый, но, судя по волоскам на коже, что встают дыбом, уже чувствую, кто это.

Несколько мгновений думаю о том, чтобы проигнорировать его. Но прекрасно осознаю, что если не отвечу, то он может заявиться сюда.

— Алло, — все-таки нажимаю на зеленую трубку.

— Выйди, — в динамике раздается короткий приказ.

— Сын спит, — шепчу в трубку.

— Я жду, — больше не говорит ни слова и сбрасывает.

Я смотрю на заснувшего сына, на соседку Свету. Она тоже уснула вместе с Кириллом.

Мне страшно послушаться, и в то же время накрывает дикий ужас от того, что может быть, если я не сделаю этого.

Подхватываю худи, накидывая на плечи, и выхожу в коридор.

Арслан стоит на том же месте у окна, где я видела его се-

годня. Освещение здесь тусклое, но, судя по тому, как сверкают его глаза и под тонкой кожей играют желваки, похоже, Гатоев взбешен.

— Ты что мне голову морочишь? — вместо приветствия рывкает он.

— О чем ты?

— О том, что никакого Егора не существует, — он делает шаг ко мне. — Нет мужа. Нет отца. Пусто.

У меня внутри все обрывается.

— Я проверил, — продолжает он ледяным тоном. — Ты пять лет одна. Меняешь квартиры, работы, города. Нет у тебя мужа. И вообще мужчины рядом. Только ты и... ребенок. Так чей он, Аня?

Я молчу. Язык прилипает к небу, дыхание перехватывает, и пульс учащается.

— Я спрашиваю! — рывкает он, и эхо разносится по лестничной клетке. — Чей ребенок?!

— Мой! — выкрикиваю я в отчаянии. — Только мой! И ты не имеешь к нему никакого отношения!

— Не имею? — он хватается меня за плечи, встряхивает. — А ну, смотри мне в глаза и скажи, что этот пацан не мой!

— Он не твой! — кричу, глядя прямо в эти бешеные глаза. — Слышишь? Не твой!

Арслан замирает. Смотрит на меня долго, пронзительно. А потом вдруг отпускает и отступает на шаг.

— Зачем ты лжешь? — говорит тихо. — Я же знаю, и имя,

и дату рождения.

— Иди ты к черту, Гатоев! — из глаз брызжут слезы. — Пять лет тебя не было! Пять лет! Где ты был, когда я по ночам не спала? Когда он болел, а у меня денег на лекарства не было? Когда мне жрать было нечего и я работала на двух работах, чтобы прокормить нас?! Где ты был?! — кажется, что кровь в венах кипит, а грудь разрывает от злости. — С другой! Ты сделал выбор, женившись на другой женщине! А теперь заявляешься и права качаешь?!

Я бью его кулаками в грудь. Он не двигается, стоит скалой, позволяя мне выплеснуть эту боль и злость, которые я держала в себе годами.

— Ты мне никто! — рыдаю я. — Слышишь? Никто! И ему ты никто! Не смей приближаться к нему! Не смей!

Мои кулаки слабеют, я прижимаюсь спиной к стене, закрывая лицо руками. Арслан молчит. Только смотрит.

А потом я слышу:

— Мама?

Замираю. Поднимаю голову.

В дверях, ведущих в отделение, стоит Даня. Бледный, в больничной пижаме и шлепках. Смотрит на нас широко раскрытыми глазами. На меня и на Арслана.

— Мама, кто этот дядя? — он напуган.

Потому что в его окружении нет таких огромных мужчин, и настолько ужасающих.

Я не успеваю и рта раскрыть. Даня подходит ко мне, об-

нимая за ногу, и переводит взгляд на Арслана. И я смотрю на бывшего. Гатоев застывает, будто в него молния ударила.

Смотрит на сына ошарашенно, и теперь я понимаю, что он ни за что не оставит нас в покое.

Глава 10

И я понимаю, что это конец...

Мне кажется, еще немного — и я потеряю сознание. Потому что этого не должно было случиться. Не после того, что я сделала, лишь бы остаться с сыном и оградить своего ребенка от семьи Арслана и того мира, в котором крутится Гатоев.

— Подойди сюда, — вдруг говорит Арслан, и голос, кажется, охрип. Он смотрит на Даню не отрываясь. — Как тебя зовут?

— Не надо... — говорю так, чтобы не напугать сына, прижимая его сильнее к себе. — Арслан... прошу, — горло сжимает, и глаза начинает печь.

— Мама, мне страшно, — шепчет Даня и хватается за ногу сильнее.

Я подхватываю сына на руки, чувствуя, как быстро колотится его сердце.

Даниил прячет лицо у меня на шее, и я обнимаю его так крепко, как только могу.

Арслан делает шаг вперед, не отводя взора от сына, а я смотрю в его глаза. В них больше нет ярости. Там что-то другое. Что-то, отчего у меня холодеет в животе.

— Я тебя не обижу, — говорит он спокойно, а меня на-

чинает потряхивать. — Я просто... — шумно сглатывает. — Хочу с тобой подружиться.

Арслан звучит непривычно тихо. Впервые за то время, что мы общаемся после аварии, я не слышу в его голосе стали.

— Мы друзья с твоей мамой, и я хочу, чтобы и ты стал моим другом, — дрожь, что поднимается изнутри, растет все сильнее, и я держусь из последних сил, только чтобы не испугать сына еще больше.

— Аня, скажи сыну, что я его не обижу.

В носу щиплет, когда я шумно втягиваю воздух, лишь бы не разрыдаться.

— Сынок, — назад отступить некуда. Самое страшное уже произошло. — Это... хороший дядя.

Даня медленно поворачивает голову, но лица не показывает. Смотрит на Арслана одним глазом, настороженно, изучающе.

— Ты маму обижаешь, — вдруг заявляет сын тоненьким, но удивительно твердым голосом. — Я слышал. Ты на нее кричал, и мама плакала.

У меня сердце разрывается от этих слов. Даня, несмотря на возраст, всегда защищает меня. Даже от собак на улице. Обычно дети боятся, когда их облаивают псы, но только не мой сынок. Он закрывает меня собой и грозит обидчикам, чтобы не трогали его маму.

Арслан застывает. Поднимает на меня недоуменный взор. Смотрит на мои заплаканные глаза, на дрожащие губы, и

впервые за весь вечер в его лице появляется что-то человеческое.

— Я не хотел на нее кричать, — произносит он внезапно.
— Это просто... просто потому, что я переживаю за тебя.

— Мама меня лечит, — Даниил отвечает ему смелее. — Мама хорошая. А ты плохой, — снова прячет лицо у меня на шее.

— А что мне сделать, чтобы ты считал меня хорошим?
— Сделай так, чтобы мама не плакала, — снова слегка поворачивается к Арслану Даниил.

Гатоев замирает как вкопанный. Потому что подобное желание ребенка становится для него полной неожиданностью.

Он снова переводит внимание на меня и смотрит не моргая, будто спрашивая подсказки.

— Аня, что сделать, чтобы ты не плакала?
— Просто... дать нам уйти в палату, — в горле стоит ком, и каждое слово дается с трудом. Но я выталкиваю из себя эту фразу, надеясь, что на сегодня он успокоится.

Арслан ничего не отвечает, размышляя над моими словами.

— Хорошо. Но я хочу услышать ответ на свой вопрос от...
— шумно выдыхает, пытаюсь примириться с реальностью, в которой у Дани есть только мама, а он — посторонний мужчина, нарушивший наш покой, — твоего сына.

— Какой? — я так перенервничала, что с трудом соображаю, о чем он.

— Как тебя зовут? — обращается к сыну.

— Даниил, — отвечает тот, не посмотрев на Гатоева.

— Рад знакомству, Даниил, — выдыхает. — Меня зовут Арслан.

Сын только едва заметно кивает.

— Мама, пойдем, — зовет меня.

— Арслан... — смотрю на него вопросительно.

— Идите, — говорит осипшим голосом. — Но... я навещу тебя завтра, Даниил. Хорошо?

— Хорошо, — отвечает сын, и я спешу в отделение.

— Я позвоню, Аня. И ты ответишь на мой звонок, — успевает крикнуть мне вдогонку, зная, что теперь я у него на крючке.

Глава 11

Ночь проходит в напряжении. Я жду звонка или сообщения от Гатоева. Но он не дает о себе знать ни ночью, ни наутро, как и весь следующий день.

И это затишье пугает меня. Я не знаю, что у него на уме, и могу ли радоваться тому, что он исчез. Меня не покидает дурное предчувствие, что вот-вот грядет нечто ужасное.

Даня считывает мое состояние. Он почти не отходит от меня, ходит хвостиком, даже когда я выхожу в коридор за кипятком. Спрашивает про злого дядю. Кажется, будто он боится, что этот Арслан появится снова и заставит маму плакать.

И я не знаю, что должна ему отвечать. Потому что сама ничего не понимаю.

— Он злой? — Даня хмурит темные бровки, точно так же, как делает это его отец.

В последние годы я почти смогла забыть Гатоева, его выражение лица, привычки. И теперь, когда он снова ворвался в мою жизнь, я не могу игнорировать сходство сына с отцом, даже в мимике.

— Нет, — отвечаю осторожно. — Просто... вспыльчивый, но быстро отходчивый.

— А я? Я тоже вспыльчивый? Как это? — сын смотрит с

любопытством.

— Ты не вспыльчивый. Ты эмоциональный.

— Это одно и то же? — не унимается он.

— Нет, — улыбаюсь, хотя на душе кошки скребут. —

Вспыльчивый — это когда делаешь что-то не подумав, подавшись плохой эмоции. А ты испытываешь много разных эмоций и не знаешь еще, как их проживать.

— Потом я буду тоже вспыльчивый? Я не хочу так кричать...

— Ты не будешь таким...

Я надеюсь, что нет.

Потому что в мире Арслана либо становятся хищниками, либо погибают. А я не хочу для Дани ни того ни другого.

К вечеру второго дня, когда температура окончательно спадает и врачи говорят, что завтра нас могут отпустить домой, я начинаю верить, что, возможно, Арслан одумался. Что он увидел ребенка, решил, что это не его сын, и отстал.

Наивная.

Именно когда я его не жду, раздается стук в дверь.

Света с Кириллом вышли, прогуляться по коридору, и мы с Даней находимся одни в палате. Я иду открывать, надеясь увидеть медсестру с результатами анализов.

На пороге стоит один из амбалов Гатоева, в накинутом на плечи медицинском халате.

Пару мгновений я молча смотрю на этого мужчину, не понимая, что ему нужно. Но затем вижу у него в руках огром-

ный пакет.

— Арслан Мурадович просил передать, — говорит он тихо, чтобы не напугать ребенка.

— Это... зачем? — я встаю, загораживая сына.

Бугай ставит пакет на тумбочку и протягивает сложенный лист бумаги.

— И вот это. Он сказал, вы поймете.

Я беру лист дрожащими руками. Он кивает и выходит, прикрывая дверь.

Разворачиваю лист и смотрю на размашистый почерк Арслана:

“Я хочу поговорить с тобой. Как Даниил уснет, выходи в коридор. Ты мне задолжала как минимум разговор. Арслан”.

Руки дрожат. Я комкаю лист, потом расправляю и перечитываю снова. Он знает. Всё знает.

— Аня? — Света заходит в палату и смотрит на меня испуганно. — Что случилось? Ты белая как стена.

— Ничего, — стараюсь улыбнуться.

Время до отбоя пролетает слишком быстро. Я даже не успеваю ничего придумать, что могу сказать в свое оправдание и как должна умолять бывшего не отбирать у меня ребенка.

Когда наконец дети засыпают, я отправляю сообщению Арслану.

“Жду”, — приходит от него.

Арслан стоит у окна, там же, где мы разговаривали в про-

шлый раз. Сегодня он один. Без охраны.

И почему-то сейчас он кажется еще более огромным, мрачным и опасным. При моем появлении он оборачивается, и я вижу в его глазах то, чего не ожидала, — усталость.

— Ты пришла, — говорит тихо.

— У меня не было выбора, — голос предательски дрожит.
— Ты все равно бы не отстал.

— Не отстал бы, — соглашается он.

Мы молчим. Смотрим друг на друга. Где-то плачет ребенок, и воздух наполнен запахом лекарств. И я знаю, что это самое неудачное место для разговора. Вот только выбора у меня нет.

— Когда вас выписывают? — наконец спрашивает Арслан глухо.

Я замираю, пытаюсь побороть порыв солгать, но затем голос разума, что твердит не усугублять ситуацию, берет верх.

— Возможно, завтра, — шепчу я.

— Мой человек заберет вас.

— Это лишнее...

— Нет, — обрывает он. — Хватит. Теперь я буду думать, что лучше для моего сына.

— Ты уверен, что он твой?

— Я умею считать, Анна, — усмехается как-то зло. — Ты сбежала беременной.

— Дети, бывает, рождаются недоношенными.

— Хочешь, чтобы я сделал ДНК-тест? Хочешь унижить

нас обоих этим?

— Дело твое, — пожимаю плечами.

Он шумно вздыхает.

— У меня было время остыть. Поэтому сейчас я не стану выяснять, какого черта ты отняла у меня четыре года из жизни сына. Это все потом. Пока я хочу разъяснить тебе, что с этих пор ты не делаешь ничего, относительно сына, без моего ведома.

— Но... — пытаюсь возразить.

— Ты не будешь делать ничего без моего ведома, если не хочешь, чтобы я сам занимался его воспитанием. Без тебя.

Сердце замирает, и я смотрю на него во все глаза.

— Что ты хочешь сказать?

— Будь хорошей девочкой, не зли меня еще сильнее, и тогда, скорее всего, мы сумеем с тобой урегулировать вопросы по тому, как и где дальше будет жить Даниил. И еще... — впивается взором в меня. — Я признаю его официально. Даниил будет Гатоевым. И нужно будет представить его моей семье.

Глава 12

— Пока, Света, поправляйтесь, — забираю пакеты с нашей провизией и игрушками, которых в последние дни в больнице стало слишком много, и беру сына за руку.

— Анечка, и вы будьте с Даней осторожнее. Не попадайте сюда снова, — прощается с нами соседка по палате.

— Спасибо, — улыбаюсь, не решаясь сделать шаг за дверь, потому что на выходе из отделения нас ждут люди Арслана.

— Мам, пойдем, — Даня дергает меня за руку. — Я хочу домой.

— Идем, малыш.

В коридоре нас уже поджидает знакомый амбал, Рустам. Кажется, так его называл Арслан. Сегодня он в строгом черном пальто и выглядит еще более неуместно в больничном коридоре, чем в прошлый раз.

— Анна, — забирает у меня сумки. — Пойдемте. Машина у входа. Арслан Мурадович поручил забрать вас.

На пару мгновений я теряюсь. Отчего-то казалось, что Гатоев теперь будет лично контролировать каждый мой шаг. Так где же он?

— А он сам?.. — не выдерживаю я.

— Арслан Мурадович занят, — коротко отвечает Рустам.

— Просил доставить вас в квартиру.

— Хорошо.

На самом деле так даже лучше. Потому что в присутствии Гатоева я сама не своя, и это пугает сына.

Но мысль о том, что Арслан не приехал, грызет где-то в глубине души.

Он не захотел или действительно не смог? Впрочем, какая разница. Арслан и без того крепко держит нас на крючке.

— Поехали, — Рустам забирает у меня пакеты, и нам ничего не остается, кроме как последовать за ним.

На улице морозно и солнечно. Даня щурится, вдыхая свежий воздух после больничной духоты. Рустам придерживает для нас дверь огромного черного внедорожника, точно такого же, как тот, в который я врезалась.

— Мам, это что, танк? — Даня задирает голову, разглядывая машину.

— Почти, — отвечаю я, чувствуя, как внутри все сжимается.

— Круто! — выдыхает сын, и я в который раз поражаюсь, как легко мальчишки заводятся от вида мощной техники.

Рустам усаживает нас на заднее сиденье, сам садится за руль. Машина плавно трогается, и я смотрю в окно, с нетерпением дожидаясь момента, когда увижу родной двор. Больше всего мне хочется оказаться в своей маленькой квартире и принять наконец-то нормальный душ.

— Мы к дяде Арслану? — Даня вертит головой, разгля-

дывая кожаный салон. — А он нас встретит?

— Нет, сынок, — отвечаю тихо. — Мы домой

Я достаю телефон, проверяя, есть ли звонки от Гатоева. Но от него нет ни звонков, ни сообщений. И это молчание выматывает сильнее любых угроз.

Я настораживаюсь, когда мы въезжаем в район новостроек, который я не знаю. Высокие дома, огороженные территории с пунктами охраны на въезде, дома из стекла и бетона.

Машина останавливается у одной из самых высоких многоэтажек.

— Приехали, — Рустам выходит, открывает нам дверь. — Идемте, я вас провожу. Восьмой этаж, квартира шестьдесят четыре. Лифт с ключом.

— Стой, — не решаюсь сделать ни шага. — Что мы тут делаем?

— Арслан Мурадович распорядился привезти вас сюда.

— Он... — осматриваю здание снизу вверх, облизывая внезапно пересохшие губы. — Он тут живет?

— Нет, — сухо отвечает Рустам. — Я лишь выполняю поручение.

— Отвези нас в нашу квартиру, — это переходит все границы. Одно дело, что Арслан теперь хочет принимать участие в жизни сына, и другое — решать за нас все, и особенно выбирать место жительства.

— Не могу.

— Тогда мы сами уедем.

— Боюсь, Арслан Мурадович будет недоволен, — отвечает спокойно охранник. — Давайте поднимемся наверх, а потом вы сами с ним все обсудите.

— Когда потом?

— Он позвонит вам.

Понимаю, что спорить бесполезно, и, взяв сына за руку, иду к подъезду.

— Мама, где мы?

— Сынок, мы приехали в гости, — улыбаюсь, хотя меня всю трясет от выходки бывшего.

— К кому?

— Помнишь дядю Арслана?

— Но я хочу домой...

— Мы обязательно поедem домой. Но позже, — пытаюсь его успокоить, хотя сама уже не уверена в том, что все будет именно так.

Мы поднимаемся на лифте. Квартира оказывается огромной, светлой, с панорамными окнами, дорогой мебелью и детской комнатой, наполненной игрушками.

— Ух ты! — ахает Даня и через минуту уже исследует новое пространство, забыв обо всем. — Дядя Арслан не будет ругаться, если я поиграю?

— Нет, сынок. Не будет, — осознаю, что это все приготовлено для моего сына.

Я раздеваюсь и обессиленно падаю на диван. Не решаясь двинуться с места и даже проверить холодильник.

Потому что это не мой дом. Это клетка. Очень красивая, очень дорогая, но клетка. И я уверена, что придется платить за жизнь в подобных условиях. Ведь такое со мной уже было однажды.

Лоб покрывается испариной, когда я понимаю, что история повторяется. Только ситуация сейчас в разы страшнее. Потому что теперь я отвечаю не только за себя, но и за сына. И на этот раз Гатоев проследит, чтобы я точно никуда не сбежала и не забрала его ребенка.

Я медленно поднимаюсь с дивана и направляюсь в детскую, где сын погружен в изучение новых игрушек.

Смотрю на Даниила, который радостно катает машинку по игрушечной парковке, и впервые за пять лет чувствую себя не просто загнанной в угол, а раздавленной.

Потому что раньше я хотя бы знала, чего бояться. А теперь... теперь я не знаю ничего. Кроме того, что от этого мужчины мне не убежать.

И мне бы хотелось понять, как дальше будет проходить наше общение.

Долго ломать голову над этим не приходится. Я слышу, как щелкает входная дверь. Выхожу в прихожую и замираю, встретив взгляд темных глаз Гатоева.

Глава 13

— Привет, — говорю первая, но вместо ответа Арслан продолжает прожигать меня взглядом. — Поговорим?

— Мы вчера все обсудили, — отвечает он, нахмурившись.

— Остались моменты, — только теперь понимаю, насколько сложно мне будет.

Но Гатоев будто решает игнорировать меня. Он разувается, снимает дубленку и идет ко мне навстречу.

Сердце ускоряет ритм при виде его надвигающейся фигуры, и я инстинктивно прижимаюсь спиной к стене. Но он проходит мимо. В висках грохочет кровь, когда я поворачиваю голову и смотрю на фигуру, замершую в дверном проеме детской комнаты.

— Привет, Даниил! — звучит его бас, и я вся замираю, ожидая реакции сына.

Судя по звукам, Даниил перестаёт играть.

— Привет, — отвечает настороженно. — Где мама?

Я понимаю, что прятаться не вариант и нужно выступить буфером в разговоре отца с сыном.

— Я здесь, сынок! — иду к детской.

Арслан встает боком, чтобы я могла пройти внутрь, оставляя так мало места из-за своих габаритов, что я непроизвольно прижимаюсь к нему. Пульс мгновенно учащается, и кровь

приливает к лицу.

А Гатоев смотрит на меня так пристально, будто видит насквозь, и мне некомфортно от этого взгляда.

Когда я наконец-то оставляю его позади, оказавшись в комнате, сын мгновенно подходит ко мне, бросая все игрушки.

— Мама, — выдыхает он и обхватывает мою ногу.

— Ну что ты, малыш? — глажу его по голове.

Сын прячет лицо у меня на животе а потом, поднимает голову и шепчет:

— Я думал, ты ушла.

— Как я могла уйти от тебя? — присаживаюсь на корточки и обнимаю его крепко, и все это время ощущаю на затылке жжение. — Я никогда тебя не оставлю.

Сынок крепче меня обнимает.

Слышу тихие шаги и вижу, как Арслан садится в кресло, стоящее в углу комнаты.

— Помнишь дядю Арслана?

— Да, — говорит Даня и поворачивает личико к отцу.

Я же беру сына за руку и веду к дивану, сев напротив бывшего.

— Тебе понравились игрушки? — снова пытается заговорить с сыном Арслан.

— Да, — кивает малыш, смотря куда-то в пол.

— Они все твои.

От неожиданности сын смотрит на Гатоева, но снова пря-

чет взгляд.

Повисает тяжелая пауза. Я смотрю, как Арслан, этот огромный, привыкший повелевать мужчина, сидит посреди детских игрушек и не знает, что делать дальше. Видно, как он пытается подобрать слова, как ходит его кадык под смуглой кожей. Впервые в жизни я вижу Гатоева растерянным.

— Спасибо, — тихо говорю я, чтобы нарушить тишину. — За игрушки. Это... это... твоя квартира?

— Моя, — отвечает он, не сводя взгляда с сына. — С сегодняшнего дня — ваша. Пока поживете здесь.

— Что? — я даже привстаю от неожиданности. — Нет. Арслан, нет. Мы не будем здесь жить.

— Будете, — в его голосе снова появляются стальные нотки. — Здесь безопасно, тепло и есть все необходимое. В отличие от твоей... конуры.

— Это моя конура, — вспыхиваю я, прижимая Даню к себе. — И мы там жили с рождения сына. И ничего, выжили.

— Правильно говоришь, выжили, — заявляет он, и в его голосе слышится что-то похожее на горечь. — Я видел твою машину и то, как ты одета, дом, где вы живете. Это не жизнь, Аня. Это существование.

— Для нас это была жизнь! Счастливая жизнь! — во мне закипает злость, но я сдерживаюсь, чувствуя, как Даня вцепился в мою руку. — Нам нужно поговорить. Наедине.

Я выразительно смотрю на сына, потом на Арслана.

— Сынок, поиграешь или посмотришь мультики, пока я

разговариваю с дядей Арсланом?

— Поиграю, — вздыхает тяжело.

— Хорошо. Мы будем на кухне. Я приготовлю тебе супчик.

Сынок целует меня в щеку и, косясь на Арслана, возвращается к мегаблокам.

— Иди первый. Он тебя боится.

Тяжело вздохнув, Гатоев поднимается с кресла и выходит из комнаты. Я иду следом.

Мы заходим на кухню, Арслан стоит, опираясь на подоконник. Плечи напряжены, а взгляд цепкий, как у коршуна.

— Я не буду тебя благодарить, — говорю сразу. — И мы не останемся.

— Не останетесь? — переспрашивает глухо. — И куда ты пойдешь? В свою развалюху, где плесень по углам и подъезд воняет кошачьей мочой? С ребенком, который только что переболел?

— Это мой ребенок, — чеканю каждое слово. — И я сама решаю, где ему жить.

— Ты сама решала пять лет, — рывкает он, делая шаг ко мне. — А теперь я имею право голоса. Это мой сын, Аня. Я не слепой. И не глупый. Я сегодня же могу сделать тест, но зачем? Я и так всё вижу.

— Ты ничего не видишь! — выкрикиваю я, и слезы снова подступают к глазам. — Ты видишь только то, что хочешь! Ты ворвался в нашу жизнь, как ураган, и требуешь, чтобы

я подчинилась! А ты спросил меня? Ты спросил, хочу ли я этого? Хочет ли Даня, чтобы в его жизни появился чужой дядька, который будет указывать, что делать?

— Я ему не чужой, — цедит Арслан сквозь зубы. — Я его отец.

Понимаю, что меня снова заносит, и делаю несколько глубоких вдохов, чтобы перевести разговор в более конструктивное русло.

— Арслан, я понимаю, ты хочешь принимать участие в жизни ребенка. И я не против. Мы договоримся о времени, когда ты будешь к нему приходить. И постепенно Даня к тебе привыкнет. Но пока...

— Аня, — обрывает он меня. — Кажется, ты меня не поняла, — звучит угрожающе. — Я не собираюсь ждать твоего разрешения видеть своего ребенка. Более того, ты пять лет решала, как сыну жить, теперь моя очередь. И если ты хочешь остаться при нем, то будешь делать, как я скажу.

Кровь в венах стынет от его слов.

— Ты... ты хочешь забрать его?

— За все решения нужно платить, Анна, — усмехается он. — И тебе пора рассчитаться за то, что я не знаю собственного ребенка. Так что привыкай, Лучик. С этих пор ты полностью зависишь от меня.

Глава 14

— Что это значит? Можешь объяснить конкретно? — единственное, что я понимаю, — это лишь то, что мне требуется договориться с этим упрямым, на условиях, которые будут благоприятны для сына.

— Мне кажется, что я уже все разжевал и разложил по полочкам.

— Нет, не все. Ты сейчас только рычишь о моей вине и о том, что теперь я при ребенке. Но о нем ты подумал? Как лучше для него? Вот отберешь у меня и куда денешь? Понесешь своей жене? Маме?

Арслан лишь стоит и сверлит меня темным, пускающим молнии взглядом. И ведь оба варианта возможны. Судя по тому, что он мне заявлял в прошлом, мой бывший способен на что угодно, просто из чистого упрямства.

— А это уже не твое дело.

— Как это не мое? — скрещиваю руки на груди. — Даниил — мой сын. Я его вынашивала, рожала, люблю его, забочусь о нем, а ты мне заявляешь такое?

— Прекрати, Анна! — рявкает он.

— А ты на меня голос не повышай! — не собираюсь молча глотать сопли, пока он строит из себя вершителя судеб. — Я мать, и до твоего появления прекрасно справлялась со

своими обязанностями!

— Хватит! Значит, так, — начинает он жестко. — С завтрашнего дня ты не выходишь на свою работу.

— Что? — мне кажется, будто это послышалось мне. — С какой стати?

— С такой, что ты будешь заниматься моим сыном. А не бегать по сменам, оставляя его с чужими людьми.

— Мне нужно кормить нас, Арслан! — вспыхиваю я. — Или ты думаешь, что я на твои деньги жить буду?

— Именно это я и думаю, — усмехается он холодно. — Теперь ты будешь жить на мои деньги. И делать то, что я скажу.

— Нет!

— Да. У тебя два варианта, Аня. Либо ты переходишь под мое полное содержание, со всеми вытекающими. Следишь за сыном и выполняешь мои желания.

Кровь приливает к лицу. Я не могу до сих пор понять: он пытается меня этим предложением унижить или же действительно планирует делить со мной постель? Вот только для чего? Ведь, помимо жены, у него наверняка полно женщин.

— Издеваешься! Я не... — от злости даже не нахожу слов, — я не стану любовницей женатого мужчины! Никогда!

— А ты не изменилась, да? — усмехается. — Все такая же гордая. Но если ты такая гордячка и брезгуешь принять мое щедрое предложение, — продолжает он спокойно, — тогда ты будешь просто нянькой при моем сыне. Живешь здесь, за-

нимаешься Даниилом, получаешь зарплату. Как официальный работник. Но без права уйти когда вздумается, и терпишь... моих женщин.

— С ума сошел! Ты собрался водить в дом к моему ребенку своих шлюх?

— А кто сказал, что это шлюхи? Возможно, я присматриваю вторую жену. И если женщина поладит с моим сыном, то мы не будем нуждаться больше в твоих услугах. Станешь мамой выходного дня.

Я смотрю на него во все глаза.

— Ты предлагаешь мне выбирать между ролью любовницы и ролью прислуги?

— Я предлагаю тебе остаться с сыном, — рывкает он. — Потому что если ты сейчас попробуешь сбежать и забрать его, я найду вас обоих и заберу ребенка окончательно. Навсегда.

Мороз пробирает до костей.

— Ты не посмеешь.

— Посмею. У меня деньги, связи, адвокаты. А у тебя — ничего. Пять лет ты выживала. Выживание кончилось. Теперь ты будешь жить здесь. Под моим присмотром. Рядом с сыном.

Я молчу. В горле пересыхает.

— Выбирай, — его голос звучит как приговор. — Любовница или нянька. Других вариантов нет.

— А если не выберу?

— Тогда выберу я. И тебе не понравится мой выбор.

Смотрю на него, на этого мужчину, которого когда-то любила. И которого сейчас ненавижу каждой клеточкой души.

— Что с тобой стало, Арслан? — пытаюсь узнать в этом чудовище нежного и ласкового парня, стоявшего за меня горой. — Когда ты превратился вот в это? — окидываю его взглядом.

— Примерно тогда, когда одна мелкая дрянь, обещавшая любить меня вечно и никогда не предавать, сбежала с моим злейшим врагом, беременная моим же ребенком, — бросает он с отвращением. — Поэтому не надо корчить рожу, Аня. Тебе не идет. К тому же никто в этом не виноват, кроме тебя. И займись уже наконец-то обедом! Ребенка пора кормить! — рывкает он и вылетает из кухни. А затем раздается хлопок входной двери.

Глава 15

— Куда-то собрались, Анна? — преграждает мне выход из дома незнакомый здоровенный кавказец.

— Да-а-а, — смотрю на него озадаченно, держа сына за руку. — Думала в магазин сходить... — намеренно лгу.

— Напишите, что вам нужно, и мы доставим, — говорит он, улыбаясь и подмигивая Даниилу.

— Я хочу в магазин сходить сама, — настаиваю на своем.

На самом деле я планировала уехать домой. До тех пор, пока Арслан не наладит со мной конструктивный диалог, я не буду действовать так, как ему нужно. Хочет, чтобы мы с сыном жили здесь, — пусть разговаривает как адекватный человек, а не как самодур.

— Арслан Мурадович дал распоряжение вас никуда не выпускать.

— В смысле? Мы что теперь, в тюрьме? Зачем это?

— Что вы! — возмущается он, но, судя по ухмылке на лице, считал он как раз именно так, как я описала. Мы в тюрьме. — Все ради вашей же безопасности.

— Мне нужно поговорить с Арсланом! — говорю я строго.

— Он передал, что у вас есть его номер и в случае чего вы можете набрать его.

— То есть вы ему не передадите, что я просила его приехать?

— Мне было выдано распоряжение, что все ваши просьбы вы должны адресовать ему напрямую.

Вот только мне так и хочется крикнуть: “Ага! Попался!”

Потому что кое-что расходится в его рассказе.

— Но вы же сами сказали написать список необходимого и передать вам.

— Не делаю сверх того, что мне сказано, — снова отделяется этот жук.

— Ясно, — вздыхаю и возвращаюсь внутрь.

— Мы не поедem домой, да? — грустно спрашивает Даня.

— А тебе разве тут не нравится?

— Нравится, — тяжело вздыхает.

— Тогда давай раздеваться и погостим еще немного у Арслана.

— Если мы у него в гостях, то где он спал?

Интересный вопрос. Но я предпочитаю не думать об этом. Хватает мне того, что меня не пускают домой элементарно за вещами.

Хотя кого я обманиваю. Ни за каким вещами я не планировала ехать. Я просто хотела вернуться в свою берлогу, которая является и моим местом силы.

— А это ты спросишь у него, когда он придет, — снимаю с сына куртку.

— Долго мы еще будем гостить?

— Не знаю, сынок.

— Я хочу домой, — канючит он.

— Здесь много новых игрушек, — стараюсь его успокоить.

— Мне нужны мои. Старые, — настаивает на своем.

— Я постараюсь решить этот вопрос. Иди, поиграй.

Сын недоверчиво смотрит на меня, но все же возвращается в детскую. А я остаюсь в прихожей, прижимаясь лбом к холодной двери. За ней стоит охранник. Тюремщик. Ирония судьбы. Я пять лет назад сбежала из одной клетки, чтобы попасть в другую...

Телефон вибрирует в кармане. Вижу на дисплее имя тёти Любы.

— Анечка! Ну как вы? Я звонила, звонила! Выписались уже? Я заходила — вас нет. Даня как?

— Всё хорошо, тетё Люб, — говорю как можно бодрее, отходя вглубь квартиры. — Выписались. Мы... в гостях.

— В гостях? — в ее голосе явное недоверие. — У кого это? Ты ж никогда ни к кому не ходишь.

— У старых знакомых, — мой голос предательски дрожит. — Тётё Люб, присмотрите, пожалуйста, за квартирой. Я скоро приеду, заберу кое-что из вещей.

— Анечка, у тебя голос странный. Ты в порядке?

— Да-да, все нормально. Я перезвоню.

Сбрасываю звонок, чувствуя, как к горлу подкатывает тошнота.

Все нормально. Все просто замечательно. Я в ловушке у человека, который ненавидит меня за то, что я сбежала, и теперь использует моего же сына как рычаг давления.

Я заглядываю к сыну.

— Мам, включи мультики.

Включаю ему “Три кота”, а сама ухожу на кухню. Достаяю телефон, нахожу номер Арслана.

Пальцы дрожат, когда я нажимаю “Вызов”. Слышу гудок, второй, третий. Уже хочу сбросить, но наконец-то раздается:

— Да, — его голос звучит отрывисто, на фоне слышны чужие голоса, какая-то суэта.

— Арслан, это я, — говорю тихо, чтобы Даня не услышал.
— Нам нужно поговорить.

— Я занят, — сухо отвечает он.

— Мне плевать, занят ты или нет! — во мне закипает злость. — Твои люди не выпускают нас из квартиры. Что это значит? Мы в заложниках?

— Это значит, что я обеспечиваю вашу безопасность.

— От кого? От моей нормальной жизни?

— Аня, — в его голосе появляются металлические нотки.

— Я не собираюсь обсуждать это по телефону. Тем более при посторонних.

— Тогда приезжай и обсуди лично! — перебиваю я, повышая голос. — Потому что я не собираюсь сидеть здесь как в клетке и ждать, когда тебе вздумается со мной поговорить! Мы не твои пленники, Арслан.

— Пленники? — он усмехается, но усмешка выходит злой. — Ты правда думаешь, что я тебя похитил?

— А как это назвать? Твои люди не выпускают нас за дверь! Я даже не знаю, где мы находимся!

— Вы в безопасности. В моей квартире. И если ты не заметила, там есть всё необходимое. Еда, игрушки, одежда. Чего тебе не хватает?

— Свободы! — выкрикиваю я и тут же прикусываю губу, потому что из детской доносится голос Дани:

— Мама, ты чего кричишь?

— Все хорошо, сынок, — отзываюсь я, стараясь говорить спокойно. — Я по телефону разговариваю. Смотри мультики.

В трубке тишина. Потом Арслан говорит уже тише, но от этого не менее жестко:

— Ты хочешь свободы? Хорошо. Я приеду. Мы поговорим. И вряд ли тебе понравится наш разговор.

Глава 16

Время тянется бесконечно долго. Я готовлю суп-лапшу и тефтели с картофельным пюре. Похоже, Арслан заранее подготовился к нашему приезду, потому что холодильник и шкафчики забиты едой.

Мы обедаем с сыном, но я не перестаю прислушиваться к звукам за дверью.

Уложив сына на дневной сон, я сижу в кресле рядом с его кроватью и смотрю на то, как он спит. У меня сердце сжимается от любви и нежности. Но рядом с этими светлыми чувствами теперь поселилась тревога. Я не знаю, сумеем ли мы договориться с Арсланом и что нас дальше с сыном ждет.

Щелчок входной двери заставляет меня вздрогнуть. Я осторожно выхожу из детской, прикрывая дверь, и иду в прихожую.

Арслан стоит у порога. Его волосы блестят от растаявшего снега. Гатоев смотрит на меня долгим тяжелым взглядом.

— Хотела меня видеть? Вот он я, — говорит глухо.

— Вижу. Не шуми, Даня спит.

— Будем разговаривать?

— А ты за этим приехал?

Вместо ответа он снимает дутую куртку и вешает ее в гардероб, а после проходит в гостиную и опускается в кресло. Я

остаюсь стоять в дверях, скрестив руки на груди и опасаясь приближаться к нему.

— Садись, — кивает на диван.

— Я постою.

— Дело твое, — он трет переносицу, и я замечаю, как он напряжен. — Что ты хотела, Аня? Спрашивай.

— Мы теперь пленники? Почему твоя охрана не выпускает нас из квартиры?

— Пленники? — Арслан усмехается, но взгляд остается тяжелым. — Можно и так сказать.

— Ты серьезно? — я не верю своим ушам. — Ты решил просто запереть нас здесь, потому что... что? Боишься, что я сбегу?

— А ты не сбежишь? — он поднимается с кресла и делает шаг ко мне. — Скажи честно: если бы не охрана у дверей, ты бы уже давно была в своей конуре, да? Собрала бы вещи, дождалась, пока я уеду, и — поминай как звали.

Я открываю рот, чтобы возразить, но слова застревают в горле. Потому что он вполне может думать именно так.

— Вижу, — кивает Арслан, и в его глазах вспыхивает что-то темное.

— Не совсем так, — наконец-то решаюсь объяснить. — Сын хочет домой, я тоже предпочитаю жить там, где есть хоть какие-то гарантии, что к нам не ворвутся в дом незваные гости. Где мы можем строить быт, как нам нравится.

— Это я незванный гость? — сверкает глазами.

— Нет! Это мы тут гости. Но, как говорится, в гостях хорошо, а дома лучше. Seriously, Арслан. Мы взрослые люди, неужели не можем договориться о том, как будет лучше нашему ребенку?

— Вот именно, Анна. И условия проживания в моей квартире, с моими ресурсами, для него лучше.

— Но это же не делается так резко! Ему нужно время, хотя бы чтобы привыкнуть к тебе. А потом к новому жилью. Или наоборот. Но не все сразу. Слишком резкие перемены для ребенка!

— Ты можешь как угодно выворачивать ситуацию, — он понижает голос, и у меня от его интонации мурашки по коже. — Но я не позволю тебе снова развести меня. Усекла?

— Ты не имеешь права держать нас взаперти! И вообще! Мне нравилась моя работа.

— Seriously? Обслуживать чужаков за те копейки, что ты получала?

— Я собираюсь учиться дальше. И стать врачом!

— Прекрати! — обрывает он меня. — У тебя ребенок маленький. Им занимайся. И не будет нужды думать о том, как заработать. Разве не об этом мечтают все женщины?

Я молчу, не хочу вступать с ним в спор, который я заведомо проиграла. Ничто Арслана не переубедит пойти мне навстречу.

— И сколько это продлится? Год? Два? Всю жизнь?

— Столько, сколько потребуется, — отрезает он. — Пока

не научусь тебе доверять. Если вообще научусь.

Я смотрю на него и вижу в глазах самую настоящую злость. Этот мужчина, привыкший все контролировать, столкнулся с тем, что не может контролировать меня. И это сводит его с ума.

— Арслан, — говорю тише, стараясь унять дрожь в голосе. — Я понимаю, ты злишься. Но так нельзя. Даня напуган. Он спрашивает, когда мы поедем домой, скучает по своим игрушкам. Ты думаешь, что создаешь ему безопасность, а на самом деле делаешь только хуже.

Он замирает. Смотрит на меня долгим взглядом, потом переводит глаза в сторону детской.

— Что он говорил? — спрашивает глухо.

— Что хочет домой. Что ему нужны его старые игрушки. Он не понимает, почему мы не можем уйти, — я делаю шаг к нему. — Арслан, если ты хочешь быть частью его жизни, нельзя начинать с тюрьмы. Даже если эта тюрьма — роскошная квартира.

Он молчит. Играет желваками. Я вижу, как внутри него борется желание все контролировать и... что-то другое. Может быть, страх потерять сына снова.

— Я привезу его игрушки, — наконец говорит он. — Все, что скажешь.

— Дело не в игрушках. Дело в доверии. Ты не доверяешь мне, но требуешь, чтобы я доверяла тебе. Так не работает.

— А как работает? — усмехается он горько. — Научи ме-

ня, Аня. Потому что я уже забыл, что это такое — доверять женщине. Особенно той, которая исчезла посреди ночи, не сказав ни слова.

У меня сжимается сердце. Я хочу сказать, что у меня не было выбора, что иначе нельзя, но все эти оправдания для него — пустые слова.

— Дай нам время, — шепчу я. — Не запирай. Позволь хотя бы выходить. Я обещаю, что не сбегу. Куда мне бежать? Ты знаешь, где я работаю, где живу, даже с кем оставляю ребенка. Я не могу рисковать им.

Арслан долго смотрит на меня. Потом тяжело вздыхает и проводит рукой по лицу.

— Хорошо, — говорит он тихо. — Завтра охрана будет только у подъезда. Сможете гулять во дворе, ходить в магазин. Но далеко не уходить. И без глупостей, Аня. Если попробуешь сбежать, я найду и заберу сына. Навсегда. Ты меня знаешь.

Я киваю, чувствуя, как по спине пробегает холодок. Знаю. Он не шутит.

— И еще, — добавляет он, и в его голосе появляются новые нотки. — Сегодня охраны у дверей не будет.

— Почему? —стораживаюсь я.

— Потому что я остаюсь здесь. На ночь.

Сердце пропускает удар.

— Что? Зачем?

— Затем, что хочу побыть с сыном, — отвечает он, гля-

дя мне прямо в глаза. — И показать ему, как выглядит нормальная семья.

— Ты же не хочешь сказать, что будешь спать со мной?

— И это тоже, — усмехается он.

Глава 17

— А теперь пора бы тебе и покормить меня.

Я открываю рот, но не нахожу слов. Потому что все еще пребываю в шоке от его наглости и непробиваемости.

И почему-то у меня нет сомнений в том, что он думает именно так, как сказал. Считает, что поступает правильно. И плевать ему на чувства других. Ладно на мои, но ребенок-то в чем провинился? Ведь я прятала его не потому, что так захотела, а потому, что у меня не было выбора и я считала, что поступаю верно.

— Ну? Чего смотришь? — Арслан смотрит на меня сверху вниз, и мне хочется укрыться от его взгляда за толстой стеной. А в идеале — за сотни или даже тысячи километров. Но, как показал мой опыт, даже расстояние не способно спасти меня от Арслана Гатоева. Недаром он говорит, что всегда получает то, что ему нужно.

Поэтому я разворачиваюсь и направляюсь на кухню.

Слышу шаги позади себя, но не оборачиваюсь. Разогреваю ему суп и второе, ставлю на стол, собираясь выйти из кухни, как вдруг Арслан ловит меня за руку.

— Сядь, — говорит твердо.

— Зачем?

— Я сказал — садись! — кивает на мягкий стул напротив.

Мне не остается ничего другого, кроме как послушаться его. Я обхожу стол и опускаюсь напротив бывшего, смотря прямо в темные глаза и дожидаясь, когда он озвучит, для чего я ему понадобилась.

— Сижу, — бросаю нервно. — Дальше что? Сплясать? Спеть?

— Самодеятельности не надо, — хмыкает он, отправляя в рот первую ложку супа. Проглатывает содержимое, а затем в его взоре появляется что-то дьявольское. — Но раздеться можешь.

— Что? — лицо мгновенно вспыхивает вместе с ушами. Кажется, что кожа под волосами тоже пылает от его непристойного предложения. — С подобными предложениями ты не по адресу.

— А что так? Судя по всему, мужика у тебя давно не было. Поэтому такая нервная.

— С чего вообще такие выводы? — отвожу взор. — Да у меня этих мужиков было! — кричу, а потом осекаюсь, замечая, как он хмурится, а в глазах — грозовое небо. Но назад я уже не сдам. Пусть не думает, что он такой весь из себя особенный. — Или что ты думаешь? Пока ты покрывал все, что движется, я сидела и горевала по тебе?

— И где же они? Твои мужики? Что-то я не вижу, чтобы хоть кто-то беспокоился о тебе с сыном. Или ты что, только для одного годишься?

Он намеренно унижает меня и оскорбляет, пытаюсь сде-

лать большее. А я его провоцирую... Зачем? Все просто. Я не хочу снова жить в его тени. Я не хочу существовать...

— Для тебя же только для этого была хороша, — отвечаю резко, ощущая, как в горле встает ком.

Мы оба замолкаем. Он перестает есть, играя желваками, а я просто устала от всего этого. Пусть мне и было непросто одной, но я считала себя счастливой. Быть вдвоем с сыном — это не наказание, это радость. Мы сами выстраивали свою жизнь так, как нам нравилось. А теперь я должна жить в тени Гатоева и его желаний.

— Хочешь сказать, что ты таскала к моему сыну каких-то ублюдков?

— Ты думай, что говоришь?! — вспыхиваю мгновенно.

— Откуда же тогда брались твои мужики? С работы? — едва ли не рычит. — Я всегда знал, что у вас в больнице сплошной разврат.

— Ты! — вскакиваю на ноги, не в силах выдерживать оскорблений.

— Сядь! — снова рывкает он. — Мы еще не договорили!

— Да о чем с тобой разговаривать, Арслан? Скажи о чем? Если ты только и делаешь, что приказываешь и не веришь ни единому слову.

— А мне нужно проверить, что ты превратилась в блядь? — сжимает плотно челюсти, и мне внезапно становится стыдно.

— Нет, — отворачиваюсь, выдыхая. — Но не думай, что

я тосковала по тебе. Нет, Арслан. Я получила прививку от тебя и тебе подобных.

— Хочешь сказать, я был так пло? — хмыкает.

— То, что ты со мной хотел сделать... вот что было плохо. Твои планы на меня и мою жизнь были ужасны.

Он сверлит некоторое время меня глазами, а затем возвращается к еде.

— Что ты вообще здесь делаешь, Арслан? Как ты оказался на другом конце страны? И где... — облизываю губы, набираясь смелости, — где твоя жена?

Он снова скидывает на меня вмиг озверевший взгляд, и я даже сжимаюсь внутри, таким неадекватным он кажется.

— Не смей говорить о ней, ясно? Никогда! — произносит четко и тихо. Но звучит это жутко настолько, что мне мгновенно хочется расплакаться.

— Ясно, — отворачиваюсь я, скрещивая руки на груди, и больше не смотрю на него до тех пор, пока не слышу, как меня зовет сын.

Убегаю на его зов, все еще с комом в горле и в груди, который можно прогнать, только выплеснув слезы. Но сейчас я не буду плакать. Не при сыне или этом деспоте. Все после. Потому что плакать при Гатоеве нельзя... Я навсегда выучила тот урок. И больше не повторю прежней глупости...

Глава 18

— Привет, боец! — заглядывает в детскую Арслан.

— Привет, — сразу же отворачивается от него Даниил, продолжая строить многоуровневую парковку.

— Чем занимаешься? — спрашивает Гатоев.

— Играю.

Я же не вмешиваюсь, наблюдая за их общением.

— Можно с тобой? — Даня замирает, а затем кивает.

Арслан присаживается к нему, и у меня сердце замирает, потому что это первый момент их прямого контакта. И я боюсь помешать их притирке. Потому что темными ночами я мечтала об этом... Но, конечно, в моих фантазиях я не была грязным секретом Арслана и мне не приходилось от него прятаться. Там мы были счастливы. А пока... посмотрим, к чему приведет эта ситуация.

Гатоев садится на корточки рядом с сыном. Его огромная фигура выглядит нелепо среди игрушечных машинок и разноцветных блоков. Он тянет руку к синему джипу, стоящему на верхнем ярусе парковки.

— А сюда можно поставить эту машину? — спрашивает он осторожно, беря в руки игрушку, которая в его ладони кажется крошечной.

Даня косится на него, все еще настороженно, но желание

играть побеждает страх.

— Нет! — командует сын тоном, не терпящим возражений. — Там будет скорая помощь. Мама говорит, что скорой всегда нужно уступать дорогу.

Арслан поднимает на меня взгляд. На губах появляется легкая усмешка, а затем он возвращает внимание к сыну.

— Мама правильно говорит, — соглашается он и послушно переставляет машинку на нижний уровень. — А когда скорая приезжает? Если кто-то заболит?

— Да, — кивает Даня, увлекаясь постройкой. — Я болел, и меня скорая отвезла в больницу. Там было страшно.

— Тебе было страшно? — голос Арслана становится тише, мягче.

— Ага. Уколы делали. Мама переживала и плакала, когда я спал.

— Мама плакала?

— Да. Я спал, но слышал, — Даня говорит это буднично, не понимая, как у меня переворачивается все внутри, когда я слушаю о том, насколько моему ребенку было плохо.

Я закусываю губу, чувствуя, как глаза начинает жечь. Отворачиваюсь к окну, делая вид, что поправляю штору. За спиной тишина, а потом я слышу низкий, непривычно хриплый голос Гатоева:

— Знаешь, Даниил, бояться — это нормально.

Я оборачиваюсь, не ожидая от него подобных речей.

— Ты же не боишься.

— Почему ты так решил?

— Ну, ты большой и сильный дядя.

На слове “дядя” по лицу Гатоева пробегает тень, но он берет себя в руки.

— Большие и сильные дяди тоже боятся, но не показывают этого.

— Так не бывает! — сын поднимает голову, и в его глазах искреннее удивление. — Чего тебе бояться, если ты сильный?

— Сильный, — улыбается Арслан. — Но большие и сильные боятся не за себя, а за тех, кто им дорог.

Я замираю. Сердце пропускает удар, а потом пускается в галоп. Понимаю, что ко мне его фраза не относится, и все равно замираю и жадно прислушиваюсь к словам.

Потому что хочу знать, кто для него по-настоящему дорог. Родители? Жена? Есть ли у него с ней дети?

— М-м-м. Это как?

— Ну, если мои близкие заболеют или с ними что-то случится.

— Ясно. Я не хочу, чтобы мама болела.

— Кто же хочет, — отвечает Арслан.

— Ты тоже не хочешь, чтобы мама болела? — Даня смотрит на него удивленно.

— Не хочу. Верно.

— Значит, мама для тебя близкий человек? Но как? Она же моя мама! — смеется сын. — У тебя должна быть своя

мама.

— У меня есть своя. Но твоя мне дорога именно потому, что она твоя мама.

Ну все, не могу больше наблюдать за этой сценой.

В носу щиплет, глаза застилают слезы, и я вот-вот расплачусь.

— Я пить... — бросаю через плечо и выбегаю из комнаты.

Иду на кухню, смаргивая слезы.

Ну почему у нас все сложилось именно так? Почему он мне лгал с самого начала отношений? Ведь если бы я знала о его помолвке, то никогда не связалась бы с Гатоевым. И кто знает, может быть, встретила бы другого человека и построила нормальную семью. Арслан же сделал для меня всех остальных мужчин пресными и неинтересными.

Надо было бежать от него еще в тот миг, когда он положил на меня взгляд. Проблема лишь в том, что он бы добился своего любой ценой. Ведь в этом весь Арслан.

И единственное хорошее, что осталось после наших отношений, — это Даниил. Судьба которого, надеюсь, будет гораздо счастливее моей.

— Мама! — выбегает следом за мной Даня. — Ты куда?

— Сынок, я сейчас выпью воды и вернусь.

— Тогда и я пить.

Наливаю ему морсика. Он залпом осушает стакан и тянет меня обратно.

— Идем. Поиграешь с нами.

Следующий час мы играем втроем. И в какой-то момент это все действительно начинает напоминать семью.

Вечером за ужином Даня сидит между нами, словно мостик, соединяющий два враждующих берега. Он уже не боится Арслана, но пока держится рядом со мной. Гатоев ведет себя сдержанно, не давит, не требует слушаться его безоговорочно. И от этого его присутствия у меня внутри все переворачивается.

— Давай я искупаю его, — предлагает Арслан, когда я собираю сына в ванную.

— Нет, — отвечаю слишком резко. Потом добавляю мягче: — Он стесняется чужих.

— Я не чужой.

— Арслан, — выдыхаю, стараясь не провоцировать его. — Давай спросим его. Если он согласится... Но пока лучше, если ты просто будешь находиться рядом.

— Хорошо, — сдается он.

Даня соглашается. Арслан же наблюдает за нашим ритуалом с какой-то жадностью, будто старается не пропустить ни мгновения. Когда сын после купания трет глазки и Гатоев предлагает почитать сказку, Даня подает ему книжку про маленький автомобильчик.

Арслан садится рядом с ним и начинает читать книгу. Его низкий голос разносится по квартире, отдаваясь дрожью у меня в груди. Я стою в дверях детской и смотрю, как огромный мужчина, привыкший отдавать приказы, неуклюже, но

старательно изображает голоса персонажей. Как сын сначала напряжен, а потом расслабляется, и его глазки слипаются под низкий, рокочущий голос отца.

Когда Даня засыпает, Арслан еще долго сидит неподвижно, боясь пошевелиться. Потом осторожно поднимается, укрывает одеялом и долго смотрит на спящего сына.

Я ухожу на кухню. Чтобы просто занять себя чем-то, начинаю протирать посуду и столы, хотя в этом нет необходимости.

Когда слышу за спиной тяжелые шаги, волосы на коже встают, потому что мощная энергетика Гатоева обволакивает меня.

Затылок жжет, а когда широкие ладони ложатся мне на талию, меня парализует от страха.

— Теперь наше время, Лучик. Пора тебе и меня усыпить. Расскажешь сказку на ночь?

Глава 19

Сердце ухает вниз, а я не могу произнести ни слова. Язык не двигается, онемев, и кожа покрывается мурашками.

— Ну же, Лучик, — Арслан перекидывает мои волосы через плечо, дотрагиваясь до шейных позвонков подушечками пальцев.

Во мне всё леденеет и закипает одновременно. От его прикосновения по коже бегут мурашки, и я ненавижу себя за эту реакцию. Ненавижу своё тело, которое до сих пор помнит его...

— Убери руки, — говорю максимально холодно, хотя голос предательски дрожит.

— К чему строить из себя недотрогу, Лучик? — усмехается он мне в ухо, и его горячее дыхание обжигает шею. — У нас уже всё было. Даже сын есть.

— Было, но прошло, — упираюсь ладонями в столешницу, пытаюсь обернуться, но Арслан не двигается ни на миллиметр. Он словно скала. Недвижимая и нерушимая.

— Тогда почему ты так дышишь? Почему дрожишь? — нашептывает, задевая губами ушную раковину.

— От страха, — выдыхаю я, пытаюсь высвободиться из его захвата. — От отвращения.

Ложь. Гнусная, подлая ложь. Но я скорее умру, чем при-

знаю, что его близость до сих пор действует на меня.

Арслан резко разворачивает меня к себе. Теперь мы стоим лицом к лицу, почти вплотную. Я упираюсь ладонями ему в грудь, чувствуя, как под тканью рубашки перекачиваются стальные мышцы.

— Я тебе не верю, Аня, — произносит он тихо, вглядываясь в мои глаза. — Ты всегда так делала, когда боялась признаться в том, что чувствуешь. Нападала первой.

— Не надо делать вид, что ты меня знаешь, — пытаюсь оттолкнуть его, но он будто бетонная плита. — Пять лет прошло. Я изменилась.

— Тебе так хотелось бы думать, и ты отчаянно пытаешься сделать вид, будто это так, — он обхватывает рукой моё лицо за щёки, не позволяя отвернуться и заставляя смотреть глаза в глаза. Его взор скользит по моему лицу, задерживаясь на губах. — Но на самом деле ты всё та же девочка, которая краснела от моего взгляда, а ночами шептала о любви. Забыла, как таяла в моих руках?

— Замолчи! — выкрикиваю я, и слёзы снова подступают к глазам. — Не смей вспоминать! У тебя теперь другая жизнь! Жена!

Арслан вдруг замирает. Его лицо каменеет, а в глазах вспыхивает что-то тёмное, болезненное.

— Если тебя это до сих пор беспокоит, значит, не остыло. Да, Ань? — смотрит так внимательно, будто впитывает мои эмоции.

А у меня внутри всё полыхает. Я не готова к тому, что происходит. И не понимаю, зачем он мучит меня.

— Зачем тебе это? — спрашиваю осипшим голосом.

— Что — это?

— Зачем ты снова издеваешься надо мной?

— Ты, наверное, не понимаешь разницу, когда над человеком издеваются?

— В том-то и дело, что знаю, Арслан! И это именно то, что происходит сейчас. Ты играешь моими чувствами. Зачем?

— Затем, что... — играет желваками. — Я тебя не отпустил. Тем более теперь!

— Хочешь сказать, что вспоминал обо мне?

— Ты... — раздувает он ноздри. — Я искал тебя. — проводит подушечкой пальца по скуле, заставляя моё дыхание сбиться.

— Зачем ты это выдумываешь? — выдыхаю я, пытаюсь высвободиться из его рук.

— Я похож на того, кто умеет лгать? — роняет он жёстко.

— Даже если так, то что дальше? — я смотрю на него, не понимая, к чему всё это. — Ничего не изменилось. Я не буду твоей любовницей. Я не стану... — замолкаю, не желая говорить о том, что, оказывается, не отболело. — У тебя там семья. Зачем тебе ещё я? Только потому, что у нас общий ребёнок? Так для этого необязательно вступать в отношения...

— Ты отняла у меня сына. Четыре года. Я не видел, как он родился, как пошёл, сказал первое слово. Ты должна мне до

конца жизни, Анна. И меньшее, что можешь сейчас сделать, — это закрыть рот и не сопротивляться.

— Я не...

— Замолчи, — рывкает он тихо, чтобы не разбудить ребёнка, но от этого рыка у меня подкашиваются колени. — Ты будешь слушать, Аня. Слушать и делать, что я скажу и как захочу.

— Но...

— Никаких но, — он опускает ладонь на мою шею, поглаживая пульсирующую жилку. — Ты мне должна. За каждый мой украденный день отцовства.

Мы прожигаем друг друга взглядами. Но в коридоре слышится вибрация телефона, и Арслан, тихо выругавшись на родном языке, отступает от меня.

— А теперь иди спать.

— Арслан...

— Иди, — обрывает он. — И запомни: ты будешь жить здесь, растить моего сына и жить по моим правилам.

Я смотрю на него и вижу: он не шутит. Он зол. Зол так, что это чувствуется физически, будто воздух вокруг наэлектризован.

Медленно, на ватных ногах, я выхожу из кухни. Он следует за мной. Я решаю спрятаться в детской.

Слышу его голос где-то в глубине квартиры, который напоминает, что всё происходящее мне не снится. Теперь у моего сына есть отец. А у меня... Похоже, что у меня теперь

ЕСТЬ ХОЗЯИН.

Глава 20

— Мне нужно уехать, — говорит Арслан спустя пару дней.

После той ночи, когда он заявил на меня свои права и попытался склонить меня к интиму, но так и не успел проявить никаких более решительных действий, он больше не требовал, чтобы я ублажала его.

Наоборот, в нем будто что-то переключилось. Наутро он был со мной более угрюмым, чем до этого. И только с сыном смягчался. А еще через день лично сопровождал нас домой, чтобы мы забрали все необходимые вещи.

Но это стало ошибкой. Если он не собирался нас там оставлять, то не нужно было брать сына. Даниил не хотел уезжать из дома и сильно плакал. Но Гатоев был непреклонен. Правда, сын обиделся на него и не разговаривал до следующего дня. С утра он уже спокойнее относился к случившемуся.

Затем было несколько дней затишья, во время которого я так и продолжала получать отказы в том, чтобы съездить на работу и лично все объяснить. На это бывший только заявил, что уже давно решил вопрос с моим трудоустройством. И написав в отдел кадров, я получила тому подтверждение.

— Аня, ну ты даешь! — позвонила мне потом наш ад-

министратор Кристина. — Такого мужика отхватила и молчишь.

— Не понимаю, о ком ты.

— Да ладно ты, не прибедняйся. У нас весь коллектив слюной изошелся. Такой суровый, строгий и щедрый.

— В каком плане щедрый?

— Ну как же! Заплатил такую неустойку и глазом не моргнул.

— Неустойку за что?

— За нарушение договора.

— Я не хотела уходить таким образом. Честно, я вообще не собиралась уходить, — мне стыдно, что я даже не пришла лично написать заявление.

— Да ладно ты, не парься. Будь у меня такой мужик, я бы даже не вспомнила, что кому-то где-то должна, — хихикает Кристина. — Но ты забеги хоть на чай. Посплетничаем.

— Конечно, — пообещала я, зная, что никогда уже туда не вернусь.

И вот Гатоев, после того как снова уничтожил мой устоявшийся уклад, заявляет, что уезжает. Первая моя мысль — это что он таким образом отомстил мне. А теперь, лишив работы, заберет сына.

— Надолго? — жду какой-то более подробной информации.

— Неделя... Возможно, две, — Арслан внимательно следит за моим лицом, и я поспешно прячу глаза, делая вид,

что поправляю скатерть на кухонном столе. — По работе. Вопросы, которые не терпят отлагательств.

— Ясно, — киваю, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Мы... справимся.

Арслан усмехается, но усмешка выходит кривой.

— Ты рада, да? Наконец-то избавишься от моего общества.

— Я рада, что у тебя будет время подумать, — отвечаю осторожно, подбирая слова. — О том, как нам выстроить отношения с сыном. Без давления и ультиматумов.

Он подходит ближе, и я инстинктивно делаю шаг назад, упираясь спиной в столешницу.

— Без давления? — переспрашивает он тихо. — Ты знаешь, что достаточно лишь принять мои правила, и ты ни в чем не будешь нуждаться. Тебе нужно привыкнуть к мысли, что это неизбежно.

В его словах слышится обещание, от которого по коже бегут мурашки. Или угроза? Я уже перестала понимать, где заканчивается одно и начинается другое.

— Когда выезжаешь? — спрашиваю, меняя тему.

— Сегодня вечером. Самолет через три часа, — он смотрит на часы. — Рустам останется здесь. Если что-то понадобится, обращай к нему. Продукты, одежда, лекарства — все, что скажешь.

— Мы не нищие, Арслан.

— Я знаю, — обрывает он. — Теперь это моя забота. И я пополнил твою карту.

Я открываю рот, чтобы возразить, но в этот момент в кухню вбегает Даниил.

— Пап, ты еще здесь? — выпаливает он и замирает, округлив глаза.

Повисает тишина. Я смотрю на сына, потом на Арслана. Лицо Гатоева меняется: напряжение спадает, уступая место чему-то теплему, почти нежному. Он опускается на корточки перед мальчиком.

— Что ты сказал, боец? — голос его звучит непривычно хрипло.

Даня смущается, переминается с ноги на ногу и смотрит на меня в поисках поддержки. Я не знаю, что делать. Мы не договаривались, как ему называть Арслана. Это вырвалось само.

— Я... — сын теребит край футболки. — Ты же... ну... ты же мой папа? Ты спишь с нами, и ешь... И... — он шмыгает носом. — Ты на меня обиделся, что я домой хотел? Я больше не буду. Только не уезжай.

У меня сердце разрывается на части. Я вижу, как Арслан сглатывает, как дергается жилка на его виске. Он протягивает руку и осторожно касается щеки сына.

— Я не обижаюсь, Даниил. И я вернусь. Обязательно вернусь. А ты пока побудешь здесь с мамой, хорошо? Будешь за ней присматривать?

— Присматривать? — переспрашивает сын серьезно.

— Ну да. Ты же в доме мужчина. И останешься за старшего, пока меня нет.

Даня выпрямляется, расправляет плечи, и я вижу, как в нем просыпается то самое чувство ответственности, которое Арслан умудрился задеть всего одной фразой.

— Буду, — кивает он твердо. — А ты привезешь мне что-то?

— Что именно?

— Ну... не знаю. Сюрприз?.. — он смотрит на меня, потом снова на Арслана.

Гатоев усмехается, и в его глазах появляется что-то похожее на счастье.

— Договорились. Я привезу тебе настоящий мужской подарок.

Они смотрят друг на друга, и в этот момент они так похожи, что у меня перехватывает дыхание. Один — маленькая копия второго.

Я отворачиваюсь к окну, делая вид, что рассматриваю вечерний город, и смаргиваю непрошенные слезы.

Это хорошо, что Арслан уедет. У меня будет время, чтобы понять, смогу ли я жить рядом с ним, как мать его сына. И в то же время — как мне избежать участи его любовницы. Потому что никогда больше я не стану делить постель с женатым мужчиной.

Глава 21

Проводы получаются быстрыми. Арслан целует Даню в макушку. Поднимает на меня взор и смотрит пристально, так, будто пытается запомнить.

— Без глупостей, Анна. Теперь ты под моим контролем, — бросает он мне и выходит в сопровождении Рустама.

Дверь щелкает, и в квартире становится пусто. Несмотря на то что Гатоев занимал здесь слишком много места, своим уходом он создал вакуум, который заполняется тишиной и моими мыслями.

— Мам, а папа вернется? — спрашивает Даня вечером, когда я укладываю его спать.

— Вернется, — отвечаю я, удивляясь, как легко с его губ слетает это слово. Папа.

— Хорошо, что он нашелся, правда? — заявляет сын до-вольно.

— Хорошо, — пытаюсь себе внушить, что это и правда хорошо, независимо от того, насколько на самом деле плохо лично для меня. Возможно, после приезда Арслан окончательно оставит свою идею подчинить меня себе и мы сумеем

воспитывать сына мирно.

— Ты тоже будешь по нему скучать? — спрашивает сын и смотрит на меня так внимательно, что я на пару мгновений теряюсь.

— Я? — лгать сыну — это самое последнее, что я хочу делать. Поэтому выбираю безопасный ответ: — Он же твой папа, сынок. Поэтому нормально, что ты скучаешь по нему. Но я не должна это делать.

— Но если ты мама, а он папа, мы живем вместе, значит, он твой муж? — выстраивает логическую цепочку.

— Почему ты так решил?

— У всех в садике есть мама и папа, и они друг другу муж и жена.

— Не всегда мама и папа — это муж и жена.

— Как это?

Я не готова к этому разговору. Совсем. Совершенно точно не сейчас. Может быть, когда-нибудь потом. Но пока я хочу отвечать на вопросы вроде того, почему зимой холодно или трава зеленая.

— Люди встречаются, влюбляются, и рождается ребенок. И для этого необязательно жениться. Но бывает и так, что люди перестают любить друг друга, но продолжают любить своего ребенка.

— Хм, — задумавшись, произносит сын. — Но папа любит тебя.

— Почему ты так решил?

— Просто знаю это, — Даня зевает и трет глазки. — Он смотрит на тебя так, словно скушать хочет.

Я замираю, думая над тем, что он пока не понимает, о чем говорит, и решаю не акцентировать на этом внимания.

— Спи, мой хороший, — шепчу я, целуя его в лоб.

Следующие три дня проходят в странном, непривычном ритме. Мы гуляем во дворе под присмотром Рустама, который держится на расстоянии, но не упускает нас из виду. Ходим в магазин, где я с ужасом смотрю на цены, но Рустам просто протягивает карту и расплачивается, не глядя на чек. На все мои протесты он только пожимает плечами:

— Распоряжение Арслана Мурадовича. Я не могу его послушаться.

Арслан звонит нам каждый вечер. Разговаривает с Даней, спрашивает, как прошел день, что мы ели, во что играли. Сын тает от такого внимания, подробно рассказывая обо всем, а потом передает трубку мне.

— Как ты? — спрашивает Гатоев, и его голос кажется мне непривычно мягким.

— Нормально, — отвечаю я сдержанно.

— Скучаешь?

— По чему?

— По мне.

— С чего бы?

Он усмехается в трубку, и я не слышу злости в этом смехе.

— Ты неисправима, Аня. Так и не научилась лгать. Но я приеду — и ты мне лично скажешь, как не скучала по мне.

На четвертый день затишья я понимаю, что больше не могу сидеть в четырех стенах. Рустам соглашается отвезти нас в парк. Мы гуляем по заснеженным аллеям, кормим белок, пьем горячий шоколад в уличном кафе. Даня счастлив. А я впервые за долгое время чувствую что-то похожее на покой.

— Мам, смотри! — сын показывает на огромную ледяную горку, с которой визжа скатываются дети.

— Хочешь покататься?

— А можно?

— Конечно, если не боишься.

— Я самый смелый!

Мы встаем в очередь. Я поднимаюсь с ним наверх, держа

за руку, когда краем глаза замечаю женщину, которая кажется смутно знакомой.

Высокая, красивая, темноглазая, она смотрит прицельно на меня, и мне не по себе от ее взора.

Но когда мы скатываемся с сыном вниз, я смотрю в ту сторону, где находилась эта женщина, и не вижу там никого.

Вот только мне продолжает казаться, будто за нами кто-то наблюдает.

Вечером, когда Даниил засыпает, я сижу на кухне с чашкой чая и смотрю на ночной город. Огни высоток мерцают в темноте, и впервые эта квартира не кажется мне клеткой. Может быть, потому, что она наполнилась нашими вещами. Или потому, что в каждом углу чувствуется присутствие Арслана. Его запах, его книги на полке, его халат в ванной.

Телефон вибрирует.

— Ты не спишь? — голос Гатоева звучит устало.

— Нет. Только собираюсь.

— Включи камеру, Лучик. Хочу на тебя посмотреть. Его просьба вызывает дрожь в теле.

— Зачем?

— Поможешь мне уснуть, Аня.

— Каким образом?

— Хочу видеть... во что ты одета. Но еще сильнее — то, как ты снимаешь свою одежду.

— Нет, Арслан, — собираюсь сбросить вызов.

— Тогда дай просто на тебя посмотреть, Лучик.

— Спокойной ночи, Арслан, — сбрасываю звонок.

А на следующий день мне снова мерещится та женщина из парка. Только на этот раз я вижу ее на территории нашего двора.

Глава 22

— Арслан, Даниилу нужно возвращаться в детский сад. Но нам неудобно ездить так далеко, — говорю Гатоеву.

— Никакого детского сада.

— Но, Арслан... Он там общается с другими ребятами, развивается...

— Занимайся сыном сама.

— Ему требуется общение. И он любит ходить в садик.

На том конце трубки повисает тишина.

— Давай оставим этот вопрос до момента, когда я прилечу домой, — говорит сухо.

— И... — я облизываю губы, прежде чем задать этот вопрос, потому что боюсь услышать на него ответ. — Когда ты вернешься?

— Надеюсь, что через три дня буду дома.

— Дома? В смысле у нас с сыном?

Мне непривычно слышать от Гатоева, что то место, где мы живем с Даниилом, он называет домом. Или он решил официально жить на два города и две семьи?

Но ведь так не сможет продолжаться вечно, верно? Разве будет кто-то из женщин сидеть и смиренно ждать мужа неделями, в то время, пока он находится с другой семьей? Потому что если не со мной, то он обязательно сойдется с

кем-то еще. Ведь не станет он ломать меня и брать силой?

— Да, я буду дома. Или ты не ждешь?

Его вопросы все время застают меня врасплох. Он же прекрасно знает, как я к нему отношусь и к тому, что он держит нас при себе, и все равно провоцирует.

— Обсудим, когда приедешь, — это все, что я могу ему ответить.

Я вижу, как сыну скучно дома, и все-таки решаю с ним пойти хотя бы в центр раннего развития. Потому что ребенку требуется общение с другими детьми, а зимой это проблематично обеспечить во дворе.

Нахожу хороший образовательный центр в торговом центре рядом с нашим домом. И отвожу сына на первое занятие.

— Могу я присутствовать на занятии? — спрашиваю у педагога, переодев сына и отправив в класс.

— Мы приглашаем родителей на открытые занятия. Во время обычных уроков дети на вас будут отвлекаться и плохо сосредотачиваться на материале.

— Но если вдруг он не сможет высидеть полтора часа?

— Об этом не беспокойтесь. Наши занятия длятся по двадцать минут и проходят в игровой форме. Также у нас есть перемены, во время которых дети могут пообщаться друг с другом и передохнуть. У меня есть ваш номер, на случай непредвиденных ситуаций.

— Тогда... я могу идти?

— Конечно. Возвращайтесь через полтора часа.

Получив столько свободного времени с момента, как сын попал в больницу, я бездумно брожу по торговому центру, ощущая небывалую свободу.

Останавливаюсь возле витрины с нижним бельем, рассматривая красивые комплекты, но затем вспоминаю, что мне не для кого такое надевать. А просто носить это под джинсами и толстовкой глупо. Поэтому я гуляю мимо дорогих бутиков, даже не глядя на витрины, и захожу только в “Детский мир”, выбрав пару футболок и пижаму для сына, а еще фигурку щенка-спасателя, мультфильм про которого очень любит смотреть мой сын.

Я расплачиваюсь на кассе и выхожу из “Детского мира” с пакетом, в котором лежат обновки для сына и небольшой сюрприз. Мысленно прокручиваю сцену того, как вручу щенка сыну и как он обрадуется. На душе становится теплее.

До окончания занятия еще больше сорока минут. Решаю зайти в кофейню, чтобы немного порадовать себя и сократить время.

Очередь на кассе небольшая. Я делаю заказ:

— Апельсиновый латте и круассан с миндалем, пожалуйста.

Забираю поднос, нахожу свободный столик в углу кофейни и сажусь, предвкушая, сколько удовольствия получу.

Сажусь лицом к залу. Делаю глоток кофе, прикрывая глаза от наслаждения. Отламываю кусок еще теплого круассана и смотрю на прохожих за окном кофейни. Прогуливаются

парочки и мамы с детьми, пенсионеры и молодежь. У всех жизнь идет своим чередом. При взгляде на них кажется, что и в моей скоро наступит порядок. Делаю еще один глоток, как над головой раздается:

— Здесь свободно?

Вопрос кажется странным, потому что в зале много свободных столиков. Но я поднимаю голову и застываю.

Передо мной стоит женщина, которую я никак не ожидала здесь увидеть. Мы встречались с ней всего только раз в жизни. И та встреча не только произвела большое впечатление на меня, но и оставила глубокий след... Потому что ее целью было уничтожить меня. И ей это удалось.

— Вы? — выдыхаю я.

— Я, — она усмехается, и в этой усмешке нет тепла. — И я очень рада, что ты меня узнала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.